

Агентство «Глория»

Фридрих Незнанский
Штрафной удар

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Штрафной удар / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Агентство «Глория»)

Восходящая футбольная звезда Антон Комаров, выступающий за московский «Буревестник», хочет попробовать свои силы в более престижном чемпионате. Но разрыв контракта не входит в планы руководителей клуба. Ведь через год-другой трансферная стоимость Комарова значительно поднимется, и молодого футболиста можно будет продать с максимальной выгодой в европейский суперклуб. В разгар этих событий и перед самым ответственным матчем Лиги чемпионов Комаров исчезает. Найти его – задача частного сыщика Дениса Грязного и детективного агентства «Глория».

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Фридрих Евсеевич Незнанский

Штрафной удар

Последнее время с молодыми футболистами происходит что-то не то. В Лотарингии, в департаменте Мозель, в матче 18-летних игрок команды гостей, увидев красную карточку, озверел, полетел на нее как бык, ударил судьбу кулаком, а потом, догнав под трибунами, еще и ударом головы сломал ему челюсть. Арбитр госпитализирован, прооперирован, а хулиган пойдет под суд. А на другом конце Франции, в Тулоне, во время матча 14-летних озверел уже судья (он же тренер одной из команд) – во время дискуссии о правильности пенальти ударом ноги достал голову игрока. Следовательно назначил судье психиатрическую экспертизу.

По материалам газеты «Спорт-экспресс»

УЕФА пытается сократить приток легионеров в Европу. Руководство УЕФА выступило с новым предложением. Чиновники пытаются заставить европейские клубы выпускать минимум по шесть собственных воспитанников в каждом матче, дабы ограничить возрастающий приток легионеров. Однако, скорее всего, эта инициатива ничем не закончится, потому что вступает в противоречие с законами Евросоюза о правилах приема на работу. И все же УЕФА не сдастся и надеется, что клубы будут больше заботиться о создании собственных футбольных школ.

«Футбольное обозрение»

Пролог

– Давайте начинать, синьор Кандолини, – американский журналист отложил недокуренную сигару, пересел с мягкого, так располагающего к послеобеденной дреме дивана на стул, вытащил из кармана блокнот и тоненькую золотую ручку, – не то я совсем растаю от вашего гостеприимства, а мои читатели ждут острых и беспощадных вопросов. – Он расхохотался громко и заливисто, как будто и в самом деле выдал нечто остроумное.

Синьора Винченцо Кандолини веселье американца не заражало. Он спокойно наслаждался вкусом любимого коньяка и ароматом кубинской сигары. За свою долгую жизнь, которая вся, за вычетом разве что детства, так уж получилось, прошла на публике, он привык давать интервью. Самым разным людям и в самой разной обстановке. Когда-то это было ему не безразлично, он готовился ко всякой встрече с журналистами, отвечая, тщательно взвешивал каждое слово, в обязательном порядке перечитывал напечатанные статьи и ужасно злился, когда репортеры умудрялись в прямых и категоричных его репликах отыскать некий второй, скрытый смысл. А ведь умудрялись, и умудрялись постоянно, черти эдакие.

Но все это уже очень давно приелось, ответы на самые щекотливые вопросы находились сами собой, почти не требуя работы ума, существовал некий накат жизненных алгоритмов, который также изливался как бы сам собой, и процесс общения с журналистами превратился в обременительную рутинную обязанность.

– Самое яркое воспоминание детства... Какое оно?

Синьор Кандолини полуприкрыл глаза, мечтательно улыбнулся и ответил:

– Первое причастие. Я в новом костюме, в церкви все сверкает...

Конечно, это была ложь. Самое яркое, самое счастливое воспоминание – это первое утро на собственной кровати. Ему было тогда одиннадцать лет. И каждый день он просыпался рядом

с Луиджи, царство ему небесное, – брат уже десять лет как умер. А в то чудесное, замечательное, самое значительное утро Винченцо лежал, раскинув руки, на огромной кровати, смотрел в закопченный потолок и думал, что когда-нибудь у него будет не только своя кровать, но целая своя комната, а лучше собственный дом! Он благодарил Господа за то, что брат Витторио (ему тогда как раз исполнилось пятнадцать) нашел работу на винограднике очень далеко от дома, так далеко, что вынужден был жить прямо там, а тринадцатилетний Луиджи переселился на освободившуюся кровать. Сестры, конечно, не могли претендовать на такую роскошь. Мария и Амелита, хоть и старшие, продолжали спать вдвоем, а малышки: Клаудиа, Анжелика и Изабелла – и вовсе втроем. В «детской» было всего четыре кровати, а в квартире – две комнаты и маленькая кухня. Вся семья не помещалась за одним столом, ели по очереди: вначале отец со старшими братьями, потом сестры, потом мать кормила малышкой...

– У вас была большая семья?..

– Большая.

Это еще мягко сказано. Даже слишком большая. Одиннадцать братьев и сестер было у синьора Кандолини. Он был восьмым ребенком и четвертым сыном. Но каким же все-таки счастливым было то утро! Серый хлеб с оливковым маслом никогда не был таким вкусным. И козье молоко, и маленький ломтик овечьего сыра... А потом Винченцо возил на маленькой тележке уголь для отцовской кузницы и чувствовал себя совсем взрослым.

Но тем, кто станет читать это интервью, незачем знать о сокровенном. Сильные мира сего имеют право выглядеть по-настоящему сильными мира сего.

– А правда, что этот замок, в котором мы с вами беседуем, был построен во времена инквизиции? В этих подвалах пытали еретиков? Вам не являются по ночам призраки загубленных жертв?

Кандолини поморщился.

– Это строение семнадцатого века, тогда уже не пытали.

– Вас называют одним из главных претендентов на кресло премьера после отставки нынешнего кабинета министров. Вы бы не хотели прокомментировать эту точку зрения?

– Я не собираюсь повторять этот опыт. Мне вполне достаточно того, что я уже однажды попробовал себя в роли премьера.

– Каково ваше жизненное кредо?

– Не останавливаться и не возвращаться.

– И где та цель, к которой вы, не останавливаясь, движетесь?

– Она... за границами жизни.

Этого американца звали Дик Слай, и паясничал он на деньги журнала «Пипл». И деньги наверняка немалые. Журнал неплохой. По американским меркам даже хороший. Синьор Кандолини не любил американцев. Самовлюбленные, восторженные идиоты. Нация без истории. Общество тупых потребителей, возомнивших себя хозяевами планеты (читай – Солнечной системы, галактики и тэ дэ). Конечно, с ними приходилось иметь дело, приходилось считаться. Но как же раздражало хамское панибратство, невежество, которое даже не пытаются маскировать... И еще эти новомодные односложные имена: Брэд Пит, Шон Пэн, Ник Нолт – тырпыр, бла-бла. Даже государственные деятели именуют себя Биллами, Диками, Алами. Плебеи вкуса. Люмпены духа. Что с них возьмешь.

То ли дело имена итальянские. Певучие, звонкие, значительные: Массимо, Витторио, Сальваторе, Винченцо!

– Расскажите, синьор Кандолини, как вы отдыхаете? – не унимался Дик Слай.

– С удовольствием.

– А все-таки?

– Хожу в оперу или на футбол.

– Кстати, а почему вы стали владельцем именно футбольного клуба? Вы любите футбол?

– О, какой же итальянец не любит футбол! Разумеется, вы, американцы, называете футболом что-то совсем другое, это ваше варварское побоище... Но я говорю о нашем футболе, футбол – это настоящее искусство, высокое искусство!

– В Штатах сейчас тоже популярен футбол, – как бы вскользь заметил журналист.

– Я слышал, – буркнул Кандолини.

– Особенно после чемпионата мира, который проводился у нас в девяностые, знаете, американцы просто влюбились в футбол!

– Только у вас, в Новом Свете, его называют соккер, – с презрением отозвался итальянец.

– Дело не в названии, а в сути, – возразил американец. – Европейцы не могут не признать, что мы добились в этом виде спорта большого прогресса, и уж, кстати сказать, на последнем Кубке мира выступили удачней, чем сборная Италии.

– О мамма мия, нас же засудили! – немедленно взорвался Кандолини. – Это было ясно и ребенку! Вьери забил два мяча, которые не засчитали! Мы были на голову сильнее корейцев!

– Разумеется, синьор Кандолини, разумеется, – закивал журналист. – Я, кстати сказать, хотел узнать у вас о судьбе русского футболиста, о котором последнее время так много пишут.

– Шевченко, что ли?

– О нет, конечно, Шевченко не русский, он украинец, он играет за «Милан», и по поводу его будущего ни у кого сейчас нет вопросов. Вы лукавите, синьор Кандолини, вы, конечно, понимаете, что речь идет об Антоне Комарове. Я хочу спросить вас напрямую, пользуясь удобным случаем. Собираетесь ли вы приобрести его для своей «Бонавентуры»? Команда переживает сейчас нелучшие времена, и ей жизненно необходима свежая кровь.

– Ладно, – проскрипел Кандолини. – Хорошо, что вы спросили. Меня уже достали все эти чертовы слухи, так что я даже рад поводу разобраться с ними окончательно. Никаких русских я покупать не намерен! Это мое окончательное слово. Русские футболисты, может, и талантливы и имеют хорошую школу, но у них неважная репутация в Европе, и я не собираюсь рисковать. Моим тренерам не нужны русские. Я удовлетворил ваше любопытство?!

– О! В полной мере, благодарю вас. – Дик Слай уже предвкушал, как сорвет двойной куш, предоставив информационным спортивным агентствам столь эксклюзивную информацию. Но пора было сменить тему, Кандолини явно оказался не в духе от этого поворота беседы. Слай осушил свой бокал мартини. – А вы ведь и сами когда-то были спортсменом? Кажется, гонщиком? Или юношеское увлечение давно забыто?

– Как я уже говорил, не люблю возвращаться. Кончено – значит кончено.

Но конечно же не забыто. Разве такое можно забыть.

1950 год. Первый чемпионат мира по автогонкам в классе «Формула-1». Конечно, Винченцо в нем не участвовал, ему только-только исполнилось четырнадцать, он работал помощником механика в одном из гаражей, обслуживавших легендарную команду «Альфа-ромео», и только издали с завистью наблюдал за блестящими, мощными и в то же время ужасно капризными красавцами болидами.

Тогда, безусловно, Винченцо не понимал, что присутствует при рождении совершенно нового гоночного автомобиля. Двигатели стали шести-, а потом и восьмицилиндровыми. Магнето вылетело на свалку истории, начиналась эра батарейного зажигания. Он работал как вол, но однажды, сделав всего один круг по двору на только что собранной машине, заболел гонками. Даже не мечтая о том, чтобы когда-нибудь стать пилотом, Винченцо ловил малейшую возможность посидеть за рулем. Сам вызывался обкатывать только что собранные болиды, прекрасно понимая, что новый мотор вполне может просто-напросто взорваться и разнести его на куски, – не было тогда времени на долгие стендовые испытания, не было оборудования, а главное – кругом шла непрерывная гонка. «Альфа-ромео» сражалась с «Феррари». Гонщики – на трассах, механики – в мастерских.

А гонщиками «Альфа-ромео» были титаны, колоссы! Джузеппе Фарина, выигравший первый чемпионат, Хуан Мануэль Фанхио, который потом стал пятикратным (!) чемпионом мира. Где было молодому, неопытному Винченцо тягаться с такими грандами?! И тем не менее через три года он подписал с руководством «Альфа-ромео» контракт уже в качестве пилота. Он был на седьмом небе от счастья. Пусть условия были чересчур жесткими: он оказался шестым в очереди на основные этапы, ему светило выйти на настоящую гонку только в случае, если первые пять пилотов по каким-то причинам не смогут этого сделать. Винченцо не роптал. У него была возможность гоняться на тренировках, и ему за это еще платили.

Он учился у мастеров. У всякого великого своя фортуна, своя изюминка. Но все они обладали и обладают одним общим качеством: они сильнее своего автомобиля, умеют извлекать из машины больше того, на что она способна. А для этого нужно понимать и любить свою машину. Винченцо видел много пилотов, и быстрых, и умных, и расчетливых. Но им не суждено было стать победителями по одной простой причине – для них машина была только лишь средством достижения цели, не более. А ведь автомобиль как женщина, к нему нужно быть внимательным и нежным. Особенных усилий это не требует, но воздается сторицей.

Кумиром Винченцо был Фанхио. Потрясающе реактивный, агрессивный и в то же время осмотрительный. Он обладал каким-то потусторонним чутьем, интуицией. Его называли экстрасенсом. Но самое главное – Фанхио умел учиться на чужих ошибках и никогда не повторял своих.

Три года в запасе не прошли даром. На этапе чемпионата мира 1958 года в Сан-Марино Винченцо стал вторым в квалификации и вышел на основной этап в числе фаворитов. Но первая его серьезная гонка, увы, стала последней.

На выходе из быстрого поворота у болида отвалилось левое крыло, проскочило под передними колесами и застряло под днищем машины. Винченцо не мог ни повернуть, ни затормозить. На большой скорости машина вылетела с трассы и уткнулась в насыпь. Потом врач сказал, что у Винченцо сломаны шейные позвонки – и с гонками придется распрощаться. Хорошо, если вообще удастся встать на ноги...

– И все-таки «Формула-1» – это потрясающе зрелищно. – Американец Дик Слай, восторженно брызгая слюной, вернул его в двадцать первый век. – По зрелищности не уступает ни бейсболу, ни футболу. Тысячи людей на трибунах автодромов, миллионы – у экранов телевизоров два часа с азартом наблюдают за болидами, носящимися по трассе с бешеной скоростью, видят автомобиль считанные секунды, не всегда успевая различить даже шлем пилота. Я несколько раз смотрел вживую – незабываемо. А вы сидели внутри...

– Это было так давно, что все чувства, которые я тогда испытывал, в смысле скорости, сегодня доступны в любом самом обычном автомобиле, – проворчал Кандолини.

Глава первая

13 февраля

Утром Дениса разбудил Филя Агеев.

– Босс, – нежно проворковал он, – денег хоц-ца! У меня классная идея. Давай-ка прибавь мне к зарплате сотню баксов, и я тогда всем буду говорить, что ты дал двести! Нехило?

Денис буркнул что-то невнятное, бросил трубку и зарылся головой в одеяло и в свой последний сон. Через минуту (или через час? – кто знает, дело ведь было практически во сне) телефон снова ожил. Денис нащупал трубку, а большой палец самостоятельно нашел кнопку «talk». И конечно, это снова был Филя.

– Грубо, шеф, – сказал Филя. – Грубо и непедagogично. Так ты последних сотрудников потеря...

Денис снова дал отбой и даже смог заснуть. Увы, ненадолго. На этот раз голос Филя был жесток:

– Партайгеноссе! Профессия вождя – это точное соотношение обещаний и выполнений. Где преступления века? Кому они достаются, я вас спрашиваю, партайгеноссе?!

Денис отшвырнул трубку, сел на постели, покрутил головой и теперь уже окончательно проснулся. Посмотрел на часы: половина десятого. Тогда он тяжело вздохнул, встал и поплелся на кухню.

Что ни говори, а Агеев был прав. Стоящих заказов детективное агентство «Глория» давно не получало, а это значило, что с деньгами сейчас у всех было туго. Конечно, можно было позвонить вельможному дяде, пожаловаться на жизнь, но...

Телефонный звонок. Ну не может же Филя звонить четырежды подряд! Или может?

– Алло?

– Наша зарплата в последнее время стала напоминать сдачу, – сообщил Филя.

– Иди к черту.

Выйдя из душа, Денис сварил себе кофе покрепче, открыл окно и стал прихлебывать, глядя во двор. Все было как обычно. Бабки на лавочке, молодые мамы с колясками, неутомимый автовладелец с первого этажа лежал под своим разбитым «Москвичом», чего-то там ковырялся.

Нет, дяде Славе звонить нельзя. Очередная порция насмешек и издевательств ни к чему. А если что-то стоящее подвернется, Грязнов-старший и сам на него стрелки переведет. Чай, он «Глории» не чужой человек. Сам же когда-то всю эту кашу и заварил.

Через несколько минут телефон опять зазвонил. Денис обреченно взял трубку – и это снова был Агеев.

– Только не швыряй трубу, Дэн, – быстро сказал он. – Халтура есть. Образовалась между моим третьим и четвертым звонком. Ты выпил уже свой чертов кофе?

– Говори. – Денис хотел было налить еще одну чашку, но передумал, вместо этого достал из холодильника йогурт. После обжигающего кофе это было особенно приятно.

– Одна дамочка желает оплатить наши услуги. Для нее это вопрос жизни и смерти.

Денис вздохнул: обычная история. Как-то так вышло, что основная роль частных охранных предприятий в России, в Москве в частности, постепенно свелась к заказам от подозрительных супругов, желающих уличить свою половину в неверности. Стоила такая работа сущую ерунду, а времени отнимала – вагон и маленькую тележку. Не говоря уже о том, что грязновских оперативников – Демидыча, Колю Щербака, того же Филю Агеева – уже давно мутило

от всего этого «грязного белья». Да и самого Дениса тоже. Но делать нечего – кушать всем хочется, и последнее время приходилось браться за любую работу.

Покончив с йогуртом и придерживая трубку ухом и плечом, Денис снова отправился в ванную – бриться. Агеев тем временем излагал суть заказа. Денис слушал и поражался сам себе: неужели этот бред действительно происходит с ним?! Вот ведь жизнь – дурацкая штука, к чему угодно может приучить невозмутимо относиться.

Филипп Агеев дежурил в офисе «Глории» на Неглинной, и потому именно он был сейчас на связи с внешним миром. Впрочем, кроме него там, в подвальном помещении, еще находился Макс, бородатый компьютерный монстр, но он был не в счет, он вообще редко из своего подвала выбирался, выполнял работу исключительно техническую и как оперативная единица начальством (то есть Денисом) никогда не рассматривался.

Закончив с бритьем, Денис вынул из шкафчика, где у него были туалетные принадлежности, одеколон «Пако Рабанн» и пшикнул на себя пару раз.

– А ты что там делаешь? – заинтересовался вдруг Филя. – Что за пш-шш? Парфюмерией пользуешься? Напрасно, Денис Андреич, очень даже напрасно.

– Это почему еще? – удивился Грязнов-младший.

– Мне в почтовый ящик какую-то халявную медицинскую газетенку кладут. И я там вчера такие страсти прочитал. Где же она... А вот, послушай. «Химическое соединение, которое нашло широкое применение при производстве косметических средств, парфюмерии и пластмассы, может приводить к серьезным нарушениям образования сперматозоидов. Американские ученые из Гарвардского университета установили, что фталаты могут приводить к появлению дефектов наследственной информации в мужских половых клетках, а кроме того – к снижению генерации упомянутой спермы». Короче, травмишь ты себе сперму, Денис.

– А что такое фталаты?

– А я знаю?!

Погода была теплая и отвратная даже для февраля. Шел снег, таявший на глазах.

Они встретились на Кутузовском проспекте через час с хвостиком (хвостик ушел на пробки). Денис приехал на своем «форде», знавшем и лучшие времена, Филя – на «Жигулях»-«пятерке», которые были хоть и поновее «форда», но от этого отнюдь не в лучшем состоянии. Филя пересел к Денису, предварительно припарковав «Жигули» в укромном местечке. Надо было произвести своим респектабельным видом максимально выгодное впечатление на заказчика. Вернее, на заказчицу. Филя был полон энтузиазма относительно предстоящей работы. Впрочем, Филя был оптимистом по жизни, из тех, для кого стакан всегда наполовину полон.

Он сверил адрес и набрал нужные цифры на домофоне.

– Да-аа? – пропел мелодичный женский голос.

– Агентство «Глория», – важно сообщил Агеев.

– Скорее поднимайтесь, пожалуйста.

Раздался щелчок, и дверь поддалась.

Они поднялись на пятый этаж. Там их уже ждали, левая дверь на лестничной клетке была приоткрыта, и оттуда выглядывала женская головка. Хорошенькая, и даже весьма. Филя пихнул Дениса локтем, и тут же получил ответный удар, гораздо более чувствительный.

Клиентку звали Вероника Рябова. Была она весьма хороша собой и, что называется, в самом соку, как и положено в идеале каждой женщине слегка за тридцать. Длинные рыжие волосы, голубые глаза, крупный красный рот, маленький точеный носик. Видно было, что живет дамочка в достатке, дай бог каждому, следит за собой, ухожена и знает свою женскую силу. Впрочем, сейчас Веронике Рябовой на все это было плевать. Сейчас ее благополучная

жизнь была под угрозой, и угрозу эту нужно было любыми средствами ликвидировать. А уж за ценой она не постоит.

Денис внутренне аплодировал Филиной проницательности, работа могла оказаться вполне выгодной.

Суть проблемы состояла в следующем. У Вероники Рябовой был супруг – футбольный тренер. (Денис как будто смутно припомнил такую фамилию.) Супруг был всем хорош. Еще вполне нестарый, видный собой, весьма состоятельный (что было заметно хотя бы по пятикомнатным хоромам и по обстановке). Единственный имелся недостаток у господина Рябова с женской точки зрения – он был фанат своего дела и футболистам своим уделял гораздо больше внимания, чем любимой молодой жене. Он проводил массу времени на предсезонных сборах, различных заграничных турнирах и выездных матчах, а дома ночевал всего-то раз пять за месяц. На заре супружеской жизни Вероника пробовала было ездить с мужем по всем этим кубкам и чемпионатам, но долго такой сумасшедшей жизни (Москва – Саратов – Санкт-Петербург – Новороссийск – Москва – Ростов-на-Дону – Волгоград – Ярославль – Москва – Владикавказ и пр.) не выдержала, да и супруга ее бессмысленное присутствие рядом раздражало. Однажды только, в декабре позапрошлого года, они ездили на «предсезонку» в Испанию, так вот там было весело, просто здорово.

Вот и вышло, что молодую плоть Вероники стали усмирять совсем другие мужчины. Сколько их было – бог весть, не Денисова ума дело, ему нужно было сейчас спасти ее женскую честь, а точнее – семейное благополучие. Сегодня вечером муж возвращается с предсезонных сборов, с Кипра, вернее, он уже даже и вернулся, лишь заехал на базу клуба, что-то там утрясти с президентом, а вечером будет дома. И вот тогда, тогда... – И молодая женщина разразилась бурным потоком слез.

Конечно, все подробности семейной жизни она сыщикам не сообщала, лишь сказала, что у нее имеется любовник при живом муже и этот факт может ее сильно скомпрометировать. Остальное Денис и Филя, как люди опытные, додумали сами. В общем, не бином Ньютона, видали они истории и похлеще.

Агеев толкнул Дениса плечом и тихонько сказал:

– У человека горе.

– Да вижу, – раздраженно пробормотал Денис. – Но может, человек скажет наконец, чем ему в этом горе помочь?

– Надо найти... – Вероника всхлипнула.

– Да что найти-то?

– Ну как же вы не понимаете! Так сказать... следы моей... связи... измены... так сказать.

А Витя... Виктор, он такой вспылчивый, такой эмоциональный, экспрессивный такой...

– Ну и где искать-то? – хмуро поинтересовался Денис.

Вероника виновато развела руками.

– Не понял?

– Везде, – еле слышно пробормотала она.

Филя с трудом сдерживал смех:

– Да почему вы вообще решили, что он найдет? Если вы сами обнаружить не можете?

– У него аллергия.

– Аллергия? – Денис и Филя в недоумении посмотрели друг на друга. – Какая еще аллергия? На что?!

– Ну... на это самое... На резину. В смысле на презервативы. Уж я искала-искала... Ума не приложу, куда они делись... Да и не помню, в общем, – добавила она, глядя в пол.

Денис едва не расхохотался. Филя же, напротив, состроив серьезную физиономию, принялся за чем-то расспрашивать Рябову о ее муже – о привычках, распорядке дня и прочих вещах, словно это могло иметь какое-то значение.

Денис тем временем с интересом рассматривал квартиру. Тут было на что посмотреть – она смахивала на небольшой футбольный музей. Кубки, медали, грамоты, какие-то хрустальные тарелки, снова медали и снова кубки и опять, и опять... «Стрелец» лучшему тренеру года Виктору Афанасьевичу Рябову... Ну и так далее.

Денис не был футбольным болельщиком, нет, он любил футбол, как и прочие активные виды спорта, но для него это было не более чем физкультурой, а отнюдь не религией, как для миллионов других мужчин, да зачем далеко за примером ходить, взять хоть Турецкого Александра Борисовича или Денисова родного дядю, Грязнова-старшего.

Филя, засучив рукава, принялся за поиски. По словам госпожи Рябовой, использованных презервативов на территории квартиры могло быть как минимум три штуки (точно она не помнила), так что потрудиться пришлось. Филя предложил разделить зону поиска на квадраты и распределить упомянутые квадраты, но Денис порекомендовал ему не выпендриваться, а начинать со спальни, и далее – везде.

– Да уж, – бормотал Филя, празднуя локальный успех и перебираясь из спальни в кабинет, – да уж, этот одеколонами не злоупотребляет, с генерацией все в порядке.

Спустя полтора часа напряженных поисков, когда взмокшие сыщики и успокоившаяся хозяйка мирно пили чай на кухне, причем Вероника уже начала бросать двусмысленные взгляды на обоих молодых людей по очереди, у Дениса зазвонил мобильный телефон. Это было очень кстати, потому что явно пора было сваливать отсюда. Денис посмотрел на дисплей своего «самсунга». Там высветился рабочий телефон Турецкого.

– Дениска? Как живешь?

– Добрый день, Александр Борисович, – солидным голосом ответил Денис. – Благодарю вас, все в порядке. А как Генеральная прокуратура поживает?

Упоминание такого солидного заведения должно было произвести на клиентку правильное впечатление. Так и вышло, однако дальше все пошло наперекосяк.

– Денис, я хочу тебя кое с кем познакомить. Тобой солидный человек интересуется. Точнее, твоими услугами.

– Всегда рад, – бойко отрапортовал Денис.

– Вот и славно, трам-пам-пам. Такое имя – Рябов Виктор Афанасьевич – тебе ни о чем не говорит?

Во рту у Дениса слегка пересохло. Влипли, подумал он. Влипли. Вот же идиотская ситуация.

– Передаю трубочку, – садистским голосом предупредил Турецкий.

– Сан Борисыч, – завопил Денис, – подождите!!!

Было, однако, поздно.

– Денис... э-ээ... Андреевич? – осведомились в трубке.

– Допустим, – осторожно сказал Грязнов-младший и сейчас только заметил, что Филя смотрит на него с некоторой тревогой. Очевидно, на физиономии сыщика отразилась довольно сложная гамма чувств.

– Рябов. Виктор Афанасьевич Рябов. Полагаю, нам нужно побеседовать.

Денис бывал в переделках и похуже, но все же сейчас чувствовал себя предельно неудобно, говоря с Рябовым и глядя при этом на его жену.

– Полагаю, нам найдется о чем побеседовать, – солидным голосом сообщил Рябов. – Что скажете, Денис Андреевич?

Доведут меня эти семейные дразги до цугундера, подумал Денис. Или до инфаркта. Вот ведь дурацкая история, ну что ты будешь делать!

– Гм... Ну если... то... что ж, давайте...

– И как бы мы могли с вами встретиться? – осведомился Рябов. – Может быть, вас не затруднит ко мне подъехать? Это очень срочно.

Издевается он, что ли?! У Дениса было изрядное желание брякнуть: «Да, конечно! Я уже у вас дома!» Однако он пробормотал:

– Да нет, уж лучше вы к нам приезжайте. В офис. Можете на Неглинную? Скажем, через пару часов?

– Договорились.

По пути в офис сыщики заскочили в «Макдоналдс» на Пушкинской площади и взяли пару пакетов, набитых снедью. На нервной почве у Дениса нешуточно разыгрался аппетит. Порядочные порции картошки, королевские биг-баки и куриное филе пришлись вовремя. Минеральная вода в офисе всегда имелась в глобальном количестве, ответственным за ее приобретение (как и за основное поглощение) считался Макс. Макс был чем-то вроде части интерьера офиса, так что это было весьма логично, – он всегда был на Неглинной, но при этом же и всегда умудрялся ночевать дома.

Перекусив и отмахнувшись от надоедавшего с расспросами Фили, Денис заперся в своем кабинете и крепко задумался.

Ситуация в самом деле была щекотливая. Денис свято соблюдал конфиденциальность поручений, которые ему доверяли клиенты, и этот случай не должен был стать исключением. Но как, черт возьми, Рябов успел так быстро его вычислить? Хотя, если предположить, что он уже в чем-то подозревал свою молодую жену (а она ведь давала такие основания, ясное дело), то он в свою очередь тоже мог нанять частного детектива, и тот, отследив появление Грязнова и Агеева и идентифицировав их личности, сразу же сообщил своему клиенту, то бишь Рябову.

Сходится? Сходится!

Да нет, ничего не сходится! Самое главное не сходится: при чем тут вообще Турецкий?! (Денис уже несколько раз пытался связаться со следователем Генпрокуратуры, но всякий раз безуспешно.) Абсурд какой-то. Если господин Рябов расколлет собственную жену, то он может обвинить Дениса в незаконном проникновении в квартиру. Ну нет, это уж дудки, у них же есть документ, свидетельствующий о том, что они выполняли частный заказ госпожи Рябовой. Мало ли, может, они тараканов ловили. Или обручальное кольцо из унитаза доставали. Заказ – дело частное, интимное и никому не подотчетное, пока, конечно, не нарушает закон, который соприкасается с интересами государства. А какие тут интересы государства – в использованных презервативах?!

Виктору Афанасьевичу Рябову было под пятьдесят. Высокий, худощавый, с большими залысинами, в костюме, явно сшитом на заказ, в общем и целом, он производил впечатление человека состоявшегося в жизни, хотя и очень нервничающего. Рябов вел себя как бы аритмично, его манера разговора свободно плавала между авторитарной и заискивающей.

– Меня направил к вам Александр Борисович Турецкий, – выпалил футбольный тренер буквально с порога.

Денис сделал надлежащий жест рукой: мол, располагайтесь, снимите пальто и давайте спокойно, цивилизованно поговорим.

На всякий случай Денис приказал Филе никуда не отлучаться, да и Демидыча вызвал в офис: кто знает, как события повернутся. Он был уверен в себе, но вдруг Рябов явился бы качать права со взводом телохранителей?

Рябов, однако, был один. Он приехал на джипе «мицубиси», и водитель остался в машине.

– Итак, вы знакомы с Александром Борисовичем Турецким? – вкрадчиво осведомился Денис.

– Да... Нет! Я не знаком с ним. То есть теперь знаком. У вас можно курить? Спасибо. – Он придвинул к себе пепельницу. – Я знаком с ним с сегодняшнего утра. А вообще с Александром Борисовичем знаком Антон Иванович.

– А кто это? – осторожно спросил Денис.

Интересно, про жену пока что ни слова.

– Ну вы даете! Президент, разумеется. Наш президент. – Рябов нервно затушил недокуренную сигарету и тут же вытащил из пачки новую, помял ее в пальцах и засунул назад. Это его более-менее успокоило, и он даже стал говорить медленнее и менее отрывисто.

Он же псих, подумал Денис. Зачем Турецкий ко мне психа отправил? Или это розыгрыш какой-то? Специальный такой, длинный, многоходовый, с использованными презервативами.

– Наш президент – Владимир Владимирович, – на всякий случай сказал Денис.

– Э-э, – удивился тут Рябов. – Да вы ничего не знаете, молодой человек!

– А что я должен знать? Разве у нас случился переворот? Я что-то пропустил?

– Так Турецкий вам ничего не объяснил? Он больше не звонил?

– Нет.

Рябов невесело засмеялся:

– Значит, я, старый дурень, на тарабарском языке с вами разговариваю... В двух словах так. Я футбольный тренер. Рыбак – президент клуба «Буревестник», который я тренирую, – старый знакомый вашего Турецкого. Неужели вы ничего не слышали про него?

Тут у Дениса в голове как будто что-то шевельнулось.

– Рыбак? М-мм... Это несколько лет назад его обвиняли в чем-то, да? И... кажется... он из-под ареста бежал?¹

– Все было, – покивал головой Рябов. – С тех пор они приятельствуют. Антон Иваныч, кстати, и с дядей вашим неплохо знаком.

Теперь Денис точно вспомнил. Его дядя-то, Вячеслав Иванович Грязнов, как раз и отлавливал сбежавшего Рыбака по подмосковным лесам. Его тогда здорово подставили, кажется, – Рыбака в смысле.

– В общем, Денис Андреевич, у нас в футбольном хозяйстве большие проблемы. Вы, конечно, знаете о деле Комарова...

Денис неопределенно кивнул. Фамилия явно была знакомой. Что-то такое он читал или смотрел по ящику. Какой-то спортсмен, футболист, надо полагать, чего-то натворил.

– Это же удар ниже пояса всему нашему футболу! Он же таких бед по молодости и легкомыслию своему натворить может!

Рябов вскочил и забегал по кабинету.

Только сейчас, глядя на этот импровизированный маятник, Денис сообразил, что визит к нему футбольного тренера никоим образом не связан с легкомысленным поведением его жены, Вероники Рябовой. То есть это просто совпадение. Удивительное совпадение. Грандиозное совпадение. Фантастическое совпадение.

И когда Денис это понял, он захохотал. Он ничего не мог с собой поделать. Просто нервное напряжение вылилось в такую вот разрядку. Он замахал Рябову рукой, чтобы тот не обращал на него внимания, что, мол, это сейчас пройдет, но... ничего не проходило. Денис смеялся и смеялся.

Реакция футбольного тренера была довольно неожиданной.

– Ах вот вы как?! – закричал он. – Значит, так, да?! Значит, вы тоже на их стороне?! Какой отвратительный цинизм!

И, хлопнув дверью, Рябов выбежал из кабинета.

¹ См. роман Ф. Незнанского «...И дай умереть другим».

Сразу же появились встревоженные Филя и Демидыч. Демидыч, недолго думая, плеснул хохочущему Денису в лицо стакан воды, и тот успокоился, вытирая слезы.

– Кто это был?

– Рябов.

– Кто?! – вытаращил глаза Филя.

Хладнокровный, но ничего не понимающий Демидыч переводил взгляд с Дениса на Филю и обратно.

– Ты слышал кто.

– И... что ты ему сказал?

Денис не смог отказать себе в удовольствии.

– Сказал, что мы производим утилизацию использованной резины, а об остальном знать ничего не знаем!

Денис вспомнил слова жены Рябова: «Виктор – он такой вспыльчивый, такой эмоциональный, экспрессивный такой...» Да уж, ничего не скажешь.

Вволю потешившись, Денис приказал Филе пуститься в погоню за футбольным тренером, принести всяческие извинения и привести обратно. А сам принялся снова названивать Турецкому. У Турецкого помимо домашнего и рабочего было штук пять мобильных телефонов для разных нужд, в том числе один – для ближайших друзей. Но даже этот номер оказался отключен.

Наконец минут через десять напряженной работы мысли Денис позвонил дяде. Вячеслав Иванович оказался на месте. Поинтересовавшись здоровьем, делами и настроением, Денис как бы невзначай обронил:

– Да, кстати, дядя Слава, как там Сан Борисыч поживает?

– Да что ему делается, – буркнул Грязнов-старший. – Тарелку крутит.

– Что делает? – опешил Денис. Но тут же и сообразил, что к чему.

Некоторое время назад его дядя установил у себя спутниковые каналы «НТВ+», исключительно «чтобы быть в курсе».

И теперь начальник Московского уголовного розыска генерал-майор милиции Вячеслав Иванович Грязнов в свободное время, которого, конечно, у такого занятого человека почти совсем не бывает, смотрел спортивные каналы.

А старший следователь Управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры государственный советник юстиции 3-го класса Александр Борисович Турецкий, значит, был тут же и налаживал тарелку.

– И что же вы смотрите?

– Обзор итальянского чемпионата и все такое. Короче, чего надо? Турецкого?

– Ага.

– Сейчас.

Через пять минут Денис наконец реконструировал события сегодняшнего дня. Действительно, с Турецким связался Антон Рыбак, футбольный магнат, владелец клуба «Буревестник». Связался потому, что у упомянутого клуба возникли большие проблемы с одним молодым дарованием. Дарование отказалось играть за «Буревестник», потребовало расторгнуть контракт, а когда его нахальные требования, естественно, были отклонены, исчезло в неизвестном направлении. Ситуация сложилась довольно тревожная, чтобы не сказать скандальная.

Тезка президента клуба, восемнадцатилетний Антон Комаров, совершивший, по словам Турецкого, немало футбольных подвигов в прошедшем году, новый год, вероятно, решил проводить в новом клубе, возможно где-нибудь в Европе. Едва ли он захотел порвать с футболом. Но пропал, исчез, как в воду канул. И его нужно срочно найти, потому что такое внезапное исчезновение Комарова может нанести ущерб как футбольному клубу «Буревестник», так и самому футболисту.

Рыбак попросил Турецкого порекомендовать ему сыщиков, которые в частном порядке смогут разыскать Комарова и установить с ним конфиденциальную связь. Турецкий, разумеется, посоветовал обратиться в «Глорию», и Рыбак отправил вместо себя тренера Рябова.

– Имей в виду, Денис, – сказал Турецкий, – дело это шумное, да ты, наверное, и сам знаешь, по ящику во всех спортивных новостях талдычат, что Комаров разорвал контракт.

– Да не болельщик он, – послышался рядом ворчливый голос Грязнова-старшего.

– Ах да... Ну неважно. Все равно резонанс большой. Это, сам понимаешь, как минус, так и плюс. Неизвестно, чего тут больше, можно и рога пообломать, а можно приличные дивиденды получить.

– Бабло в смысле срубить? – усмехнувшись, уточнил Денис.

– Ну и это тоже. В общем, только не руби сплеча, подумай, но в то же время не мешкай, потому что если этот малый вдруг контракт с каким-нибудь «Миланом» подпишет, большой скандал выйдет, от которого всем мало проку. Тут надо разобраться в этих спортивных законах, они меняются все время, я и сам толком не знаю, что там к чему, кто прав, а кто нет. Знаю одно: Рыбак – мужик порядочный, обманывать мальчишку из-за нескольких десятков тысяч баксов не станет. Ну – удачи.

– Сан Борисыч, а как же...

– Саня, да бросай трубку, сейчас Батистута пенальти бить будет! – зарычал Грязнов-старший.

– Все, Денис, пока, пока! – заволновался Турецкий.

Н-да... Денис покрутил головой. Лихо это у Турецкого выходит – «из-за нескольких десятков тысяч...». У самого небось зарплата с гулькин нос.

В ожидании Агеева с Рябовым Денис посвятил Демидыча в события этого дня.

– Футбольные тренеры – те еще психи, – согласно покивал многоопытный Демидыч, поглядывая на дверь.

Фили между тем все не было.

– А фанаты футбольные еще хуже, – добавил Денис. – Это вообще караул. – Летел я прошлым летом из Шотландии домой, через Испанию, то есть сперва нужно было из Глазго в Севилью попасть. Так там на борту были болельщики каких-то «рейнджеров», что ли...

– Есть такая команда, – кивнул Демидыч. – «Глазго рейнджерс».

– Ага. Так вот представь, они, когда узнали каким-то образом, что экипаж болеет за других, за какой-то «Фелтик»...

– «Селтик», – поправил Демидыч. – Это команда такого же уровня, тоже из Глазго. У них вечный антагонизм, вроде как у «Спартака» с киевским «Динамо» или у «Реала» с «Барселоной»...

– Ну «Селтик», так «Селтик», один черт. Я-то этих тонкостей не знаю. Так вот, эти придурки устроили прямо в самолете форменный дебош. Чуть ли не кресла выкорчевывали, представляешь? Беспредел такой был, что наш «боинг» посадили на полпути, в Лондоне. И я там лишние сутки проторчал. Представляешь, какая досада?!

– Да, не повезло, – саркастически обронил Демидыч. – И как ты это пережил, в Лондоне-то?

– Тяжело пережил, что и говорить, – вздохнул Денис.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись.

Прошло еще четверть часа. Денис уже подумывал о том, чтобы снова позвонить Турецкому и взять у него телефон хоть Рябова, хоть самого Рыбака, но тут наконец-то вернулся Агеев. Вид у него, надо признать, был слегка сконфуженный.

– Не успел, – коротко бросил Филя и плюхнулся на стул.

Денис с Демидычем озадаченно посмотрели друг на друга. Это было в высшей степени необычно: во-первых, то, что лучший топтун Москвы и Московской области (так искренне считал Денис, но не говорил Филя в педагогических целях), так вот что такой опытный сыщик, как Филя, не смог догнать клиента, а во-вторых, то, что он отделался одной лишь коротенькой фразой. Обычно Филя фонтанировал, рот у него не закрывался, причем вне зависимости от успеха конкретной операции. Кроме того, Филя был несколько бледноват и растерянно хлопал длинными ресницами. Он налил себе минеральной воды и теперь пил ее большими глотками.

– Ну не беда, в общем, – немного уже раздражаясь, сказал Денис. – Я могу Турецкому опять позвонить. Или можем вообще в справочнике посмотреть телефоны «Буревестника». И потом, у нас его домашний номер есть, на худой конец... Правда, им-то лучше не пользоваться, но все же... Или Макс в Интернете чего-нибудь раскопает...

– Не поможет, – махнул рукой Филя и вытер рукавом рот. – С ним теперь не созвонишься.

– Да говори ты толком! – разозлился Денис. – Почему не созвонюсь?! Его что, застрелить за это время, что ли, успели?!

Филя открыл рот и молча подвигал губами, как рыба, выброшенная на берег. Потом все же сказал:

– Как... Откуда ты знаешь? Что, нас уже менты за задницу взяли?!

Теперь настал черед Дениса открыть рот.

Наконец выяснилось следующее.

Филя заметил темно-синий джип Рябова в какой-то сотне метров сворачивающим на Рождественский бульвар. Подобраться ближе к нему не было никакой возможности, слишком уж плотное движение. Правда, спустя несколько минут на выезде к Большой Лубянке все стали в капитальной пробке по причине не то заглохшего чайника, не то сломавшегося светофора. Видимо, виноват все же был какой-то скверный водитель, остановившийся в самом неподходящем месте, во всяком случае, возмущенный рев клаксонов все нарастал. И тогда Филя просто выскочил из своих «Жигулей» и побежал к «мицубиси». Слава богу, он успел: джип стоял в правом ряду, и его уже начали объезжать. Может быть, именно он-то и сломался, подумал было Филя и постучал в тонированное стекло. Никакой реакции не последовало.

– Виктор Афанасьевич! Господин Рябов!

Никто не отзывался. Дергать дверцу Филипп, опытный сыщик, не стал, и, как показали дальнейшие события, был совершенно прав. Он обошел машину справа по тротуару и заглянул в кабину со стороны лобового стекла. Зрелище ему предстало грустное. Виктор Афанасьевич Рябов, несостоявшийся клиент детективного агентства «Глория», был непоправимо и окончательно мертв. Он сидел, привалившись к боковому стеклу, по лбу у него стекала темно-красная струйка. Водительское место рядом с ним пустовало.

Дальше Филипп действовал как и положено настоящему профессионалу. Нашел ближайшего постового, показал ему свое удостоверение частного детектива, порекомендовал оградить какое-то пространство вокруг джипа и поскорее вызвать милицию. Оставил свой телефон, а сам немедленно вернулся в офис за Денисом, потому что его присутствие наверняка скоро потребовалось бы.

...В 16.55 Денис расписался под запротоколированными собственными показаниями, которые с него снял следователь районной прокуратуры Нефедов. Анатолий Анатольевич Нефедов смахивал на артиста Гафта, которому не давали бриться и спать несколько суток. Анатолий Анатольевич был печален и даже хмур. В самом деле, оснований для радости у следователя было негусто.

Денис узнал от него, что Рябов убит выстрелом в темя, то есть пистолет был приставлен к голове сверху (следы порохового ожога подтверждали, что выстрел был произведен с нулевого расстояния). Выходного отверстия не было, так что пуля осталась в теле футбольного тренера. Выстрел производился в машине, посреди оживленного движения, и, выйдя пуля наружу, она

могла разбить стекло, что неминуемо привлекло бы внимание. Значит, сработано было профессионально. Шофера, кстати, так и не нашли. Может, он и есть убийца? Но Нефедов обсуждать эту версию с Денисом не стал.

Нельзя сказать, чтобы следователь держался высокомерно, нет, но никак не давал перевести разговор в коллегиальное русло. Продолжалось это, впрочем, недолго. Ровно до того момента, когда в кабинет вошел Турецкий. Нефедов Турецкого, видимо, знал, потому что тут же молча поднялся и предложил ему стул.

Денис позвонил Александру Борисовичу (точнее, своему дяде, у которого Турецкий в это время смотрел итальянский футбол) немедленно после появления Фили Агеева и сообщил о случившемся. На что Турецкий по-отечески порекомендовал Денису не нервничать, не суетиться и предоставить событиям идти своим ходом.

Легко сказать – не нервничать! Утром он выполняет работу для своей клиентки, а уже в обед ее муж превращается в хладный труп. Теперь надо думать: сообщать следователю о знакомстве с супругой покойного или не надо? Если говорить, то все, или сослаться на конфиденциальность поручения Вероники и не раскрывать суть дела? Самое неприятное, конечно, если б пришлось столкнуться с женой, то есть теперь уже вдовой Рябова, в прокуратурских коридорах.

В конце концов Денис решил: будь что будет и как пойдет, так и пойдет. На его счастье, Нефедову в голову не пришло спросить о Веронике Рябовой, а тут и Турецкий подоспел. Дальше все пошло как по маслу. Московские районные следователи побаиваются шишек из Генпрокуратуры, потому как без их благосклонности не видать собственной карьеры. Турецкий подтвердил все, что Денис уже говорил Нефедову: дескать, клиента именно он, А. Б. Турецкий, прислал в «Глорию», а уж почему Рябов вдруг удрал – тайна сия велика есть. Может, спешил человек.

– А что он хотел получить от частных детективов? – спросил Нефедов. – Какие именно услуги? Надеюсь, он успел вам это сказать, Александр Борисович?

– Увы, понятия не имею, – легкомысленно отозвался Турецкий. – У меня времени особо не было. Мне позвонил его коллега, попросил кого-нибудь порекомендовать. Я сказал, что знаю стоящего парня. – Турецкий кивнул на Дениса. – Так что, возможно, дело у Рябова и срочное было, кто знает. Может, ему, к примеру, за неверной женой надо было последить? – с иронией предположил Турецкий, даже не подозревая, что вгоняет Дениса в предынфарктное состояние.

– Все может быть, – покивал Нефедов. – По всему выходит, что нечто срочное. Этот Рябов, если все было, как говорит Денис Андреевич, а не верить ему у меня нет оснований, был слегка не в себе.

– Вот видите, – кивнул Турецкий. – Он и мне показался взбудораженным.

– Вы говорите, – осторожно сказал Нефедов, – что вам позвонил коллега Рябова. А кто именно?

Турецкий ответил тем же легкомысленным тоном и довольно быстро, но Денис его неплохо знал, чтобы не заметить, что на самом деле Александр Борисович сделал это с явной неохотой.

– Мне позвонил президент «Буревестника», Антон Рыбак.

Хмурая физиономия Нефедова сделалась совсем уж озабоченной.

– Но... это не связано с делом Комарова, как вы думаете?

Ну надо же, подумал Денис, буквально все знают об этом Комарове, кроме меня!

– Понятия не имею, – с честнейшей миной ответил Турецкий. – Думаю, Анатолий Анатольевич, вам следует в этом деле поддерживать контакт с «Глорией». Опытные ребята, могут оказаться вам полезны, я их давно знаю.

Нефедов скривился, его мысли без труда можно было прочитать: «Вот еще один замороженный шерлок холмс на мою голову», но все же протянул Денису свою визитку, добавив при этом ну просто удивительную глупость:

– Надеюсь, Денис Андреевич и впредь будет сообщать мне обо всех чрезвычайных происшествиях, происходящих с ним и его людьми.

Интересно, с какой это стати?..

Турецкий с Денисом вышли вместе, и следователь поманил сыщика в свою машину, приложив палец к губам. Когда они сели в черную «Волгу», Турецкий сказал:

– Дело это темное, не удивлюсь, если в твою тачку уже «жучков» напихали.

– Почему?! – поразился Денис.

– Разберешься – поймешь. А поймешь – мне расскажешь. Теперь поехали к Рыбаку. Убийство Рябова ничего не меняет. Я с Антоном уже переговорил, и он все равно хочет поручить тебе поиски Комарова... Ты не выбрасывай, не выбрасывай, – сказал Турецкий, глядя, как Денис смял визитку Нефедова. – И никогда от людей в погонах не зарекайся: мало ли что.

– Да я ввел уже его телефоны в память, – поморщился Денис. – Хотя, если честно, глаза б мои его не видели, а уши – не слышали.

Он позвонил Филе Агееву, попросил забрать его «форд» со стоянки у прокуратуры и проверить его на предмет средств спецнаблюдения.

По дороге Денис успел все же кое-что узнать об этом загадочном, но прославленном Комарове. Нападающему московского «Буревестника» и в самом деле было всего восемнадцать лет. Он не отличался особым атлетическим сложением, но у него был явный бомбардирский талант, что особенно наглядно подтверждала статистика. Турецкий говорил, что, по его мнению, за последние пять лет в России не появлялось более одаренного футболиста. Год назад «Буревестник» откопал безвестного тогда парня в какой-то команде второй лиги. Несколько месяцев он провел в дубле, потом Рябов начал выпускать его в основном составе. В первом же матче, выйдя на замену за двадцать минут до конца игры, Антон Комаров забил гол и сделал голевую передачу. И в том, что болтавшийся полчемпионата в середине турнирной таблицы «Буревестник» вдруг воспарил и занял в конце концов второе место, была огромная заслуга Комарова: пятнадцать голов в девятнадцати играх – результат, достойный зрелого мастера. За несколько месяцев он стал кумиром миллионов. Его пригласили в обе сборные – и в молодежную, и во взрослую. Но если во взрослой этот сезон был проходным, подготовительным перед грядущим отборочным турниром, то с молодежной сборной Комаров ездил на чемпионат мира в Италию, где стал лучшим бомбардиром турнира (восемь голов в шести играх) и был признан лучшим игроком! Им моментально заинтересовались лучшие клубы Старого Света. По слухам, «Буревестник» получил весьма лестные предложения не то от «Реала», не то от «Манчестер юнайтед», велись какие-то смутные переговоры, которые ничем не закончились. Потом Комаров съездил в Саудовскую Аравию, сыграл там за символическую сборную мира, и после этого его словно подменили. Он не захотел больше выступать за «Буревестник» ни под каким видом.

Футбольный вундеркинд явно не прочь был попробовать свои силы в каком-нибудь престижном европейском чемпионате, но еще в середине прошлого года, уже разобравшись в том, что попало в руки, руководство «Буревестника» (то есть Рыбак и Рябов, который был не только главным тренером, но и вице-президентом клуба) заключило с Комаровым контракт на год, так что ни о каком отъезде не могло быть и речи. Юный форвард хотел расторгнуть контракт с «Буревестником», «Буревестник» хотел заставить его выполнять условия контракта. И Комаров исчез.

Турецкий сказал, что читал спортивные газеты, смотрел телевизор, то есть был осведомлен не больше любого другого болельщика. Так что ковыряться в подробностях Грязнову-младшему теперь придется самостоятельно.

– Понимаешь, Денис, – объяснял Турецкий, – Рыбака понять можно. Они парня нашли в каком-то захолустье, поставили на ноги, он именно в «Буревестнике» сделал себе имя, и теперь отпускать его вот так за здорово живешь никто не станет.

– Почему – за здорово живешь? Ведь, наверно, западный клуб, который хочет его купить, предлагает приличные деньги? – неуверенно предположил Денис. – Я не знаю, как это делается, но, видимо, при большом желании можно выкупить его контракт у «Буревестника». Это же бизнес, разве нет, Сан Борисыч?

– Так-то оно так, – покрутил головой Турецкий, – да не совсем. Комарову всего восемнадцать лет. Он очень талантлив, спору нет, но вряд ли это будет Пеле, Круифф или Марадонна. Сейчас таких молодых талантов пруд пруди. И что? Европа скупает их оптом, они ломаются на второй-третьей игре, потом лечатся, сидят в запасе, не могут пробиться в основной состав, переходят в клуб похуже – и так по нисходящей. Сечешь? Что такое в восемнадцать лет уезжать на Запад? Для футбола восемнадцать – это еще не возраст. Он же не гимнаст какой-нибудь. Что из него получится, будет ясно только через пару-тройку лет. И то не факт, что так скоро. Может, блеснет и закатится. Так уже бывало, и не раз. А здесь за ним тщательно следили, много не требовали, понимали, что еще с ребенком имеют дело. Если он окрепнет, повзрослеет и прибавит в мастерстве, его трансферная стоимость только увеличится. И от этого все выиграют – и клуб, и он сам!

– Короче говоря, они хотят выждать и нарастить цену, а Комаров хочет играть в крутом клубе и не хочет ждать, так, что ли?

– В общем, да.

– Так кто же прав?

Турецкий подумал и сказал:

– Думаю, что все. И никто.

По-прежнему шел снег, быстро превращающийся в дождь.

До базы «Буревестника», расположенной в подмосковном местечке Толстопальцево, они добрались, минуя Внуково, через Боровское шоссе. База была новая, по словам Турецкого, ультрасуперсовременная, с навороченными компьютерами, медицинским и диагностическим оборудованием, сканирующим всю футбольную сущность тутошних постояльцев.

Сюда «Буревестник» переехал по окончании прошедшего сезона. Но, возможно, оттого, что других футбольных баз Денис не видел в своей жизни вовсе, и эта его не особо впечатлила. Ну что такого? С десяток коттеджей, сгруппированных вокруг двух главных зданий, в которых были бассейн, сауна, русская баня, тренажерные залы, библиотека, видеотека, столовая и прочие нужные спортсменам вещи. Место, правда, оказалось живописным: сосновый бор на раскиданных там и сям пригорках.

Рядом, в низине, мудрено было не заметить четыре тренировочных поля. На каждом из них выращена густая зеленая трава, а три поля из четырех оборудованы даже небольшими трибунами с козырьками. Охранники рассказали, что в последние дни дренаж газонов явно не справляется с непогодой. Вот и вчера футболистам «Буревестника» пришлось тренироваться чуть ли не по шиколотку в воде. Не помогали и острые вилы, которыми сотрудники комплекса время от времени протыкали дерн.

Кабинет Рыбака был на втором этаже – небольшой и, что называется, без понтов – ничего лишнего. Компьютер, деловые бумаги, раскиданные по столу. Никаких липовых, состоящих из одних корешков библиотек в шкафу, спортивных регалий, ни футбольных, ни прочих. Денис

уже знал от Турецкого, что Рыбак – в прошлом знаменитый чемпион-пятиборец, что, кстати, подразумевало его недюжинные физические кондиции. Так и оказалось.

Рыбак, говоривший по телефону, сделал широкий жест рукой: располагайтесь, мол, а я сейчас закончу. И действительно, разговор продлился еще минуту, не дольше. За это время, правда, неоднократно прозвучало слово «крыша». Турецкий с Денисом переглянулись. Рыбак был мрачен (и немудрено, события в его епархии были нерадостные: футболист сбежал, тренера застрелили), но гостям улыбнулся:

– Рад видеть старых друзей. У нас скоро домашний матч в Лиге чемпионов, много хлопот...

– Антон, – осторожно сказал Турецкий, – я думал, твои криминальные проблемы давно позади.

– Так и есть, – подтвердил Рыбак, – тебе ли не знать, Александр Борисович.

– Так что же ты тут о крыше с кем-то договариваешься?

Рыбак рассмеялся.

– Это не та крыша! Вернее, это как раз та крыша, что надо! Все очень просто. В ближайšie выходные два грузовых самолета Ан-12 доставят нам из Англии надувную крышу, которая будет установлена над главным полем стадиона «Буревестник», чтобы защитить газон от мороза и снега. Вот смотрите.

Он достал из стола рекламный буклет, на котором в разных ракурсах была изображена конструкция, представлявшая собой огромный шатер.

– Он наполнен воздухом, – объяснил Рыбак, поднявшись из-за стола, и Денис оценил его габариты. – С помощью специального устройства можно регулировать температуру внутри шатра, который будет приподнят над полем на полметра, что обеспечит нормальную вентиляцию воздуха. Сборка такой крыши занимает два дня.

Такие штуки есть только на некоторых полях Англии и Германии. Очень удобны в эксплуатации и надежно предохраняют газон от порчи, вследствие погодных катаклизмов. Так что поле будет закрыто вплоть до матча с «Бонавентурой», что, надеюсь, позволит нам сыграть матч Лиги чемпионов с лидером серии А в комфортных условиях. – Тут Рыбак помрачнел. – Виктор Афанасьевич, царство ему небесное, как раз на этом приобретении настаивал. Знаете что, мужики, давайте помянем нашего тренера. – Он достал из стола бутылку коньяка «Ахтамар», пошарил там еще громадной пятерней, но больше ничего не нашел.

Денис уже решил про себя, что сейчас Рыбак позвонит секретарше и зарычит на нее, но ничуть не бывало – футбольный босс оказался демократичен. Он вышел из кабинета и через пару минут вернулся с тремя бокалами. Налил Денису и Турецкому солидные порции, себе – символически.

– Я вообще-то не пью, – объяснил он Денису.

Я тоже, едва не сказал Денис, но это было уже неудобно, равно как и неудобно оставлять коньяк в емкости. Пришлось выпить. Денис подумал: какая забавная штука жизнь, сколько в ней непредсказуемых сюрпризов – как приятных, так и наоборот. Разве мог он, проснувшись сегодня, предположить, что за один день сперва познакомится с тренером «Буревестника», а потом будет его поминать. Через минуту-другую в голове слегка зашумело. Денис действительно пил совсем немного и предпочтение отдавал, если уж такое случилось, красному вину, ну а в основном – холодному йогурту. Денис знал, что пытаться противиться действию отличного напитка бесполезно, надо, напротив, расслабиться и максимально доброжелательно принять его в себя. Сказалась дядина школа. Тем паче что Турецкий уже завладел бутылкой и налил всем еще раз:

– Ну а теперь за то, чтобы наш молодой пинкертон, – кивок в сторону Дениса, – вернул отечеству потерявшегося игрока!

Тоже грех было не выпить, теперь уже чокнулись. Понятно, что яснее голова не стала, и Денис спросил, как тут насчет кофе. Вот сейчас-то секретарша и появится, справедливо предположил он. Ан нет, снова Рыбак вышел из кабинета, завозился в приемной с кофеваркой и поманил Дениса на помощь – принести чашки.

Кофе был что надо. Известно, что самый вкусный тот, что плещется в первой утренней чашке, невзирая на его марку и способ приготовления. Но и этот был чертовски хорош. Тут, кстати, и Турецкий задал вопрос, который так занимал Дениса.

– Антон, а где же секретарша твоя? Помню я ее, такая черноглазенькая, хорошенькая, Люся, кажется? Жаль, что ее нет. Я понимаю, гибель Рябова – это удар, конечно, но что, ты всех работников теперь распустил, траур объявил, что ли?

– Вот еще проблема на мою голову, – крикнул Рыбак. – Не хотел я говорить, мужики... стыдно... черт. Ну ладно. Тоже сбежала, в общем, барышня.

– Почему? – удивился Турецкий. – Сексуальные домогательства со стороны начальства?

– Не смешно, – отрезал Рыбак. – Возможно, с Комаровым сбежала. У них роман, оказывается, был. А я ничего не знал. Вот недавно только хорошие люди просветили. Замену пока не нашли... Ладно, черт с ней. Лучше расскажите, Денис, что там у вас сегодня произошло.

Денис поведал о своем недолгом знакомстве с Рябовым, о том, как тот метеором ворвался к нему в офис, а потом вдруг сорвался и уехал. Прямо навстречу своей гибели.

Рыбак вздохнул:

– Что и говорить, Рябов – мужик с характером был, вспыльчивый. Я два года назад, признаться, долго сомневался, прежде чем его в команду позвать. Но взвесил все «за» и «против» и все же рискнул. Он ведь не сегодняшним днем жил, он команду по кирпичику строил, фундамент закладывал будь здоров, те, кто после него будут «Буревестник» тренировать, еще не раз Афанаasyча добрым словом помянут.

– А кто, кстати, теперь станет тренером? – поинтересовался Турецкий.

– Это вопрос вопросов, – вздохнул Рыбак.

– Коней на переправе не меняют? – добавил Турецкий.

– Видно будет, – буркнул Рыбак. – Так о чем я говорил?

– О том, как Рябов команду по кирпичику собирал, – подсказал Денис.

– Это точно. Он подбирал игроков тщательно, постоянно сам во всякую тмутаракань ездил мальчишек смотреть. Так вот и Комарова нашел. На тренировках он довольно ровный был, Рябов-то, ну а во время игры – просто динамит. Раз двадцать за прошлый сезон был оштрафован за нарушение запрета на выход из технической зоны!

– А это что такое, – спросил Денис, – техническая зона?

– Территория вокруг тренерской скамейки во время матча. Кроме того, он еще двадцать раз не являлся на послематчевые пресс-конференции! Еще двадцать штрафов.

Турецкий хохотнул:

– О покойниках или ничего, или хорошее. По-моему, симпатичный мужик был этот твой Рябов.

– Да уж всякий! Иной раз мы с ним в этом самом кабинете так орал друг на друга, что Люся только уши зажимала! Но надо сказать, что в общении с игроками он эмоции свои как-то умудрялся гасить или переправлял, что ли, их в иное русло. Если команда хорошо играла, хоть даже и проигрывала по ходу матча, то у него эти истерики странные в кураж превращались. Игроки это тоже чувствовали и заводились еще больше. Так вторую половину чемпионата на кураже и сыграли...

– Это когда Комарова стали на поле выпускать? – вставил Денис, дабы проявить свои познания.

– А, вы заметили, да? – обрадовался Рыбак. – Вот и я о том же! Речь ведь даже не о деньгах, которые можно за него выручить, ну получим десять миллионов, ну, может, двадцать в

лучшем случае. Бабки, конечно, большие, с бюджетом клуба сопоставимы, но, в конце концов, ничто не вечно, и все деньги рано или поздно куда-то уходят. Тут другое! Болельщики валом пошли! В любом городе играем – стадион забит! А почему?

– А почему? – попугайски повторил Денис.

– А потому что болельщики от Комара нашего радость получают, удовольствие! Народный игрок появился в нашем футболе! Такого явления со времен Черенкова, наверно, не было! Понимаете? Тут дело даже не в уровне мастерства или в силе дарования, тут другое. Карта так легла! Соскучился болельщик по красивой игре, истосковался, истомился, и тут как раз Комаров подоспел. Все совпало для него – страна, время, даже уровень нашего чемпионата, а он, дурашка, этого не понимает! Его же на Западе затрут, посереет он, стандартным игроком станет, может, и прибавит в атлетизме, но искры этой уже не будет! Ему расцвести здесь надо! А потом уж пусть весь мир радуется, на здоровье, нам не жалко.

Денис слушал Рыбака с удовольствием. Вот, что называется, человек на своем месте, сразу видно.

– Я вам сразу расскажу, что мы предприняли. У нас есть, разумеется, своя служба безопасности. Но они же не сыщики, они охраной занимаются. В общем, проверили все места, где Комаров мог быть, и – ничего.

– Что это за места? – Денис привычным жестом достал блокнот.

– Да их, собственно, три всего. Его собственная квартира, которую ему, кстати, клуб и предоставил, дом его брата, ну и жилье Люси Борисовой, моей секретарши. Она с теткой живет. Та уже с ума натурально сходит, всех подружек ее обзвонила, никто ничего не знает.

– Сколько времени прошло, как Комаров исчез?

– Пять дней.

– Была какая-то конкретная причина, толчок, что-то побудившее его уехать?

Рыбак отрицательно покачал головой:

– Я... не знаю. Я же с ним не общался каждый день. Команда была на сборах, в Турции.

– Что говорят его партнеры? Есть кто-то, с кем он был наиболее близок?

– Близких друзей у него в команде не было. Со всеми отношения довольно ровные. За исключением разве Овсянникова.

– И что говорит этот Овсянников?

– Мне передавали, говорит, что пропал – и слава богу. Но Овсянников – форвард, которого Комаров из основного состава вытеснил. Ему это только на руку.

– Понятно. Неприязнь у них сильная?

– Ну не до такой степени, чтобы своего конкурента похищать, – усмехнулся Турецкий. – Так не бывает.

– Это точно, – подтвердил Рыбак. – Овсянников ни при чем. Просто в один прекрасный день Комаров не появился на базе, и все.

– Что этому предшествовало? Когда он потребовал разорвать контракт?

– Еще до сборов на Кипре. Пришел ко мне в кабинет и сказал, что хочет поскорее уехать в западный клуб.

– Конкретно?

– Сказал, что в газетах разное пишут, что им интересуются итальянские команды. Но он лично предпочел бы Англию или Испанию, – вздохнул президент «Буревестника». – Губа у парня не дура.

– Это точно, – ухмыльнулся Турецкий, снова прикладываясь к коньячку, на этот раз уже в одиночестве. – А на самом деле, кто им интересовался? С тобой вступали в переговоры?

– Ну звонили несколько раз из-за бугра, – неохотно признался Рыбак. – Да... так, фигня всякая, ничего конкретного.

– Знаю я твое «ничего конкретного»! – вдруг повысил голос Турецкий. – Ты что дурака валяешь! Ты же нанял человека работу делать, а сам от него что-то скрываешь?

Денис был удивлен, ему вовсе не показалось, что Рыбак что-то недоговаривает.

Президент «Буревестника» выпростал из-за стола свое большое тело и прогулялся по коридору. Неохотно выдавил:

– Ну был контакт, был.

– С кем?

– С немцами. «Олимпия» интерес проявляла.

– Неслабо, – оценил Турецкий. – И сколько денег сулили?

– Да какая разница? – грохнул кулаком по столу Рыбак. – Какая, на хрен, разница, если все равно я их послал подальше!

– Ну уж ты будь добр, Антон, теперь карты на стол. Тем более что разница большая, может, твои несостоявшиеся покупатели не успокоились, кто знает?

Рыбак почесал затылок огромной пятерней и выдавил:

– Двадцать миллионов марок.

Ни шиша себе, подумал Денис. Хотя... а вообще это много или мало для футбола?

Словно услышав его мысли, Турецкий разъярился:

– Суперзвезды стоят в несколько раз больше. Но для русского футболиста – это очень неслабо, наших давно дорого не покупали.

– Тем более в ведущие европейские чемпионаты, – вставил Рыбак. – Еще и престижно.

– Но этого купца ты же послал подальше, – напомнил Турецкий. – Или нет?

– Да послал, послал, – досадливо поморщился Рыбак. – А самому парню, ну Комарову то есть, даже не говорил ничего. Да и вообще, кроме меня и Рябова, никто не в курсе был. Даже в прессу ни полслова не просочилось. Очень уж все не вовремя тогда случилось. За два тура до конца чемпионата. Ну его, думаю, еще снесет пацану крышу. Пусть пока играет спокойно, раскрепощенно. А то кто ж знает, что с игроком делается, когда он узнает, что за него двадцать «лимонов» дают. Неужели думаешь, что Брюкнера рук дело?

– Кого? – переспросил Денис.

– Герхард Брюкнер, – объяснил Турецкий, – владелец «Олимпии» из Штутгарта. Тот еще фрукт. Я тебе, Денис, пожалуй, тут помогу по своим каналам, подкину кое-какое досье на него.

Немецкая версия. «С немецкой аккуратностью... – сказал Бондаренко на своем чудовищном английском, – банк поменялся, ага, но деньги... сбросили вовремя...»

Это прозвучало как извинение то ли за ранний звонок, то ли за типично славянскую безалаберность. Или Герхарду Брюкнеру только хотелось, чтобы это походило на извинение. На самом деле конечно же никто перед ним не извинялся, Бондаренко вообще никогда не извиняется, он понятия не имеет, что это такое! Брюкнер выругался, посреди фразы поймал себя на том, что бранится по инерции на английском, и с досады швырнул подушку на пол.

Шести еще нет! Зачем нужны миллионы, если каждый божий день приходится вставать затемно, вместе с турками-разнорабочими?! Он прошлепал к окну, нарочно волоча ноги, словно тяжелобольной.

«С немецкой аккуратностью».

...Карниз опять покрылся зеленым налетом.

«С немецкой аккуратностью»!

Болван наивный! Где ее теперь сыщешь, немецкую аккуратность?!

Чтобы убить время до шести, приказал, вопреки привычке, подать кофе, но горничная, выходя, слишком резко хлопнула дверью, и сразу пропало всякое желание пить: наверняка она и готовила его небрежно, порывисто... одним словом, не так, как следовало бы! Наконец часы на ратуше пробили шесть раз. Рауль не позвонил: вот вам еще один образец немецкой

аккуратности, подумал Брюкнер, но уже с удовлетворением. Он даже в мыслях не называл отца «отцом» – только Раулем. Может, стряслось что-нибудь? Арабы очередной небоскреб подорвали? Он включил телевизор.

«Hier ist das erste Deutsche Fernsehen mit der Tagesschau» («В эфире Первое немецкое телевидение с обзором дня»). Нет, вроде бы никто никого не взорвал... Или это намек: он, мол, теперь американец или бразилец, один черт – кто угодно, только не немец, и, значит, может позволить себе маленькую непунктуальность? Ну слава богу, наконец-то...

– Немец-перец-колбаса, тухлая капуста, слопал кошку без хвоста и сказал, что вкусно! – прокричал Рауль с темпераментом истинного латиноамериканца. – Слышишь шторм?

В трубке раздалось треньканье с потугами на джазовую импровизацию, вперемежку с пьяными голосами и завыванием ветра.

– Ты в море?

– В океане, герр Брюкнер! Чувствуешь разницу? Хотя где тебе...

– Что с Лиссазо? – спросил Брюкнер, хотя волновало его совсем другое: какого дьявола Рауля понесло в Штаты и что это за вечеринка посреди океана?

– Пропал твой Лиссазо. Получил задаток и укатил с какой-нибудь мулаткой в Рио. Ты что, не знаешь этих черномазых? Ничего, вернется, никуда не денется. Через неделю или она ему надоест, или деньги кончатся. Хочешь поболтать с Кином?

– У вас там что, шоу всех звезд?

– Нет, кое-кого не хватает. Ладно, мне еще нужно поговорить с одним сенатором.

Брюкнер несколько секунд сидел в оцепенении, потом вспомнил про отчет, до которого вчера не дошли руки.

«...По свидетельству источников, заслуживающих полного доверия, в августе прошлого года, за месяц до совершения террористических актов (которые американцы до сих называют не иначе как „началом войны“), журнал National Examiner поместил статью о связи президентской семьи с нацистами до и во время Второй мировой, недвусмысленно обвиняя их в финансировании холокоста. По словам Джона Лофтуса, консультанта телепередач „60 минут“ на CBS и Prime Time на ABC, автора книги „Тайная война против евреев“, „богатство этой семьи пришло из Третьего рейха“.

Расследование, проведенное Лофтусом совместно с Вебстером Терпли и Антоном Чейткином в преддверии президентских выборов, обнаружило «зловещую связь» между кланом нынешнего президента США и нацистами. Вебстер и Чейткин в своей книге «George Bush: The Unauthorized Biography» утверждают: «...семья президента сыграла важную роль в финансировании и вооружении Гитлера при его восхождении в Германии и способствовала росту военной индустрии нацистов, воевавших в том числе и против Соединенных Штатов».

Документы, обнаруженные исследователями в вашингтонских архивах, раскрывают следующие факты: дед и прадед нынешнего президента управляли несколькими финансовыми компаниями, занимавшимися исключительно обслуживанием нацистов. Они кредитовали германскую военную промышленность, а также осуществляли поставки стали для гитлеровской военной индустрии. (В то время как их сын и внук, будущий президент Соединенных Штатов, проходил курс подготовки в школе военных летчиков, готовясь принять участие в войне против фашистской Германии и ее союзников.)

Результаты расследования деятельности принадлежавшей семье корпорации можно назвать просто ошеломляющими: благодаря сотрудничеству с Union Banking Corp Германский стальной трест производил 50 % чугуна Третьего рейха, 35 % взрывчатых веществ, 45 % труб, 38 % специальной гальванизированной стали, 36 % стального листа и пр. Совладелец Union Banking Corp Фридрих Флик на Нюрнбергском процессе был приговорен к семи годам тюремного заключения.

Таким образом, корпорация Union Banking стала крупнейшей «прачечной», отмывающей деньги нацистов в Соединенных Штатах».

Какой кошмар! Если чертов Vater² благодаря этому сможет легально осесть в Штатах – все, конец налаженному бизнесу.

Естественно, скандал с семейством Буш никто раздувать не станет, замаяли же, что у них теснейшие связи с кланом Бен Ладенов. Но если Vater под шумок, кое-кого пошантажировав, добьется легализации... А шантажировать и скандалить он будет, разумеется, с помощью Кина – тот на такие дела мастер... Насколько Vater посвятит Кина в свои тайны? Что будет с конторой в Рио? Не захочет ли Кин за свои услуги прибрать контору к рукам? А что будет, если у папаши ничего не получится? Его посадят? Он вернется к работе и все пойдет как прежде? Будет нарываться, пока не нарвется на пулю?

Что-то подсказывало Брюкнеру, что как прежде уже не будет. Vater не захочет больше в Бразилию. Капитала ему на оставшийся век хватит. Герхарду тоже хватит, конечно. Но глупо отмахиваться от денег, которые сами плывут в руки.

Чертов Vater!!!

Все знакомые, и даже жена и дети, знали, что Герхард Брюкнер осиротел семи лет от роду. Его родители небедные, но и не слишком богатые бюргеры (у отца якобы была небольшая ткацкая фабрика) погибли, когда американские самолеты бомбили Дрезден. Герхард избежал их участи только потому, что в это время воспитывался в католическом монастыре в Швейцарии. Небольшой капитал, удачно размещенный отцом там же, в Швейцарии, помог Герхарду закончить образование и начать собственное дело.

Эту историю знали все. И пока не истечет срок давности за нацистские преступления, а он не истечет, очевидно, до кончины последнего нациста, Брюкнер никому не собирался открывать правду. Ибо правда состояла в том, что его родитель самый настоящий махровый наци, гестаповский чин, близкий друг и соратник небезызвестного Мюллера, группенфюрера СС, начальника IV отдела РХСА. Вместе с шефом он избежал Нюрнбергского процесса, драпанув в Южную Америку. После пластической операции и смены имени папа превратился в бразильца Рауля Риверо и вплоть до 1953 года не давал о себе знать. Только деньги, исправно поступающие на банковский счет Герхарда, говорили о том, что Vater жив, не пойман и, очевидно, неплохо себя чувствует. То есть пока Герхард учился в школе, он, как и все остальные, полагал, что отец вместе с матерью погибли при бомбежке – так сказали ему учителя. Но когда Герхарду исполнилось четырнадцать, он однажды нашел в своей Библии запечатанный конверт (как он туда попал, так и осталось загадкой), в котором лежал ключ от камеры хранения на железнодорожном вокзале в городке, где располагался монастырь. А в камере хранения лежал еще один конверт...

Герхард не помнил почерка отца, у него не осталось ни одной бумаги, ни одного письма, написанного им, но он сразу понял, от кого это послание. И вначале перепугался, что оно с того света, а прочитав, чуть было не побежал делиться радостью с одноклассниками. Отец дал понять, что он выжил, но вынужден скрываться и не может пока встретиться с Герхардом, однако будет теперь более или менее регулярно писать. Но никому, даже самым близким друзьям, если таковые имеются, категорически нельзя об этом говорить. Из этого же письма Герхард узнал, что мать действительно погибла при бомбежке и похоронена на солдатском кладбище, которое оказалось теперь на территории ГДР.

О том, от кого и почему скрывается его отец, Герхард узнал гораздо позже и вначале ужасно испугался. Что, если о его происхождении станет известно? Однако Vater в его биографии умудрился следов не оставить. Из архивных документов Герхард узнал, что в Дрездене и в самом деле проживала семья Брюкнеров и у них был сын, тезка Герхарда, того же возраста,

² Отец (нем.).

что и Герхард. Брюкнеры-старшие действительно погибли во время бомбежки, а о дальнейшей судьбе их сына документы умалчивали. Герхард же предпочел даже не задумываться. Он больше не беспокоился.

Будучи очень основательным молодым человеком, он долго просчитывал, в какой области приложить свои способности для получения максимального результата, и в конце концов остановился на спорте. Герхард видел и понимал, что послевоенное деление мира сохранится надолго, новой войны не предвидится, а при этом люди просто не могут не болеть и не страдать. Новой страстью человечества, источником боли, радости, источником острых ощущений становится спорт. Это новая любовь, наркотик для многих, возвышенное влечение, вселенское поветрие. Спорт будоражит и захватывает прежде всего в силу заключенной в нем потенции ускорения и интенсификации мироощущения, миропонимания, мироощущения. После Пеле и Гарринчи, Брумеля и Бимона, Фишера и Капабланки человечество уже никогда не будет прежним. Они совершили революцию, толкнули мир от цивилизации постиндустриальной к цивилизации информационной не меньше чем профессор математики Массачусетского технологического института Норберт Винер, чьи труды по кибернетике переносят нас в компьютерный век, в виртуальную реальность.

13 февраля

(продолжение)

– Может, сделать официальный запрос «Олимпиаде» или немецкой футбольной федерации? – с какой-то безнадежной интонацией в голосе сказал Рыбак.

– Ни в коем случае! – испугался Турецкий. – Ты что! Если мальчишка тебе голову морочит, то ведь не от большого же ума, им кто-то руководит, возможно, тот же брат его, и если они с немцами уже нашли общий язык, то ты сейчас правды не добьешься. Лучше это мы сами выясним, в Германии он или нет.

– Как же ты это узнаешь? – с сомнением поинтересовался Рыбак.

– Во-первых, узнаем, не вылетал ли Комаров в Германию за последние две недели.

– Блестяще, – саркастически кивнул Рыбак. – А поездом, а морем, а на автобусе, а на машине, в конце концов? Ты думаешь, все это можно проверить?!

– Не твоя забота, – отрезал Турецкий.

– Да, Антон Иванович, – спохватился Денис, – но что же вы ответили лично Комарову? Уже потом, когда, как вы говорите, он «предпочел Англию или Испанию»?

– Я сказал, что он связан контрактом с нами еще на год и пока что я продавать его никуда не намерен – ни в Англию, ни в Испанию. А поскольку мы выполняем свою часть договора – платим ему деньги, обеспечиваем жильем, транспортом и все такое, то и он обязан вести себя соответственно. На этом разговор закончился. Я, признаться, думал, что это просто блажь, ну понятно, гонору у парня прибавилось, он же теперь знаменитость. Но вот тут случился этот матч в Эмиратах...

– Что за матч? – спросил Денис.

– Сборная мира против сборной Арабских Эмиратов. Они провожали своего самого знаменитого игрока, ну и устроили такую игру. И нашего Комарика тоже позвали. Вернулся он оттуда – как подменили. Это было... сейчас... – Рыбак заглянул в перекидной календарь на столе. – Две недели назад. Вот после этого один раз только на базе появился, как я сейчас понимаю – вещи забирал. Вообще-то Рябов игрокам после Кипра дал десять дней отдыха, так что никто никого не контролировал. Это я теперь уже пытаюсь все концы свести. Вот, а неделю назад, значит, получаю я факс от его агента.

– У него есть персональный агент? – встрепнулся Денис.

– В том-то и фокус! Раньше его не было! Но у Комарова есть старший брат, Вячеслав. Он пару лет назад сам закончил играть, неплохой защитник был, но не более того, даже в сборную никогда не привлекался. Так, переходил время от времени из украинского чемпионата в российский и обратно. И вот теперь, Вячеслав Комаров, о котором все уже успели благополучно забыть, вдруг оказался агентом своего младшего брата. Вот лучше сами посмотрите. – Рыбак протянул Денису папку.

Президенту ФК «Буревестник»
от Комарова В. С.,
представляющего интересы
Комарова А. С.

Ввиду того что ФК «Буревестник» отказывается совершать какие-либо действия, стимулирующие продолжение карьеры и дальнейший рост спортивного мастерства футболиста в достойном его профессионального уровня европейском клубе, Комаров А. С. в одностороннем порядке разрывает контракт с ФК «Буревестник».

– Одновременно, – сказал Рыбак, – они позвонили в «Футбол сегодня» и сделали заявление в прессе аналогичного содержания. Ну да вы знаете, наверно.

Денис не нашел ничего лучшего, как спросить:

– ФК – это футбольный клуб?

– Вообще-то, – заметил Турецкий, – это филькина грамота, она никакой юридической силы не имеет. Что это такое – факс какой-то?! Это можно всерьез не принимать.

– А какая разница, – возразил Денис, – другого-то нет. А из команды он удрал, это и так совершенно ясно, разве нужны какие-то еще доказательства?

– У нас через неделю Лига чемпионов, – простонал Рыбак. – Двадцатого февраля! Без Комара не вытянем! Найдите его, Денис, умоляю! Я вас акционером клуба сделаю.

Тут у Турецкого брови полезли вверх.

– Слушай, Рыбак, – вмешался он полушутя-полусерьезно, – у меня тоже много свободного времени!

– Найти его мало, – резонно заметил Денис, – надо же еще уговорить парня вернуться назад. Но в первую очередь, наверно, мне стоит оперативно побеседовать с футболистами и работниками клуба.

– Единственный, пожалуй, кто вам точно ни в чем не поможет, это Лопаткин, – сказал Рыбак.

– А это кто?

– Доктор команды. Могу с уверенностью сказать, что Комарова среди его пациентов никогда не было, хотя безупречным здоровьем мальчишка отнюдь не отличается. Но везунчик невероятный. Так что Лопаткин с ним почти и не общался.

Отлично, решил Денис, с эскулапа и начнем.

Немецкая версия (окончание). Итак, спорт. Герхард начал с малого – создал фирму по производству спортивного инвентаря. Закончив образование в Швейцарии, он вернулся в Германию, в ФРГ разумеется. Но заикливаться на изготовлении только мячей или только кроссовок он, естественно, не собирался. Его компания постоянно расширялась, подминая под себя маленькие заводики и фабрики.

«Футбол – самая существенная из несущественных вещей», – скажет потом Франц Беккенбауэр. Герхард Брюкнер также отдал предпочтение футболу. Как спорту самому популярному и самому прибыльному.

К тому моменту, когда Брюкнер купил «Олимпию», Vater совершенно захирел в своей Бразилии. Жил он в какой-то дикой глуши, панически боялся больших городов и европейских туристов. Поначалу пытался налаживать какие-то дела с колумбийской мафией, но, очевидно, его таланты колумбийцам негодились, и последние годы он только и делал, что пил, писал стихи и был близок к самоубийству. Они изредка переписывались, еще реже созванивались, но общение с каждым разом становилось все более тягостным. Vater читал Герхарду свои опусы:

Кто пережил встречу с океаном
Атлантическим или Тихим,
Кому судьба подарила встречу с Южной Америкой,
Тот знает, что мечты и грезы – жалкая никчемность
В сравнении с видом со скал Корковадо,
На синие горы,
На белые джунгли Рио,
На бесконечные пляжи.
А зеленые сосны Баварии лучше...

Ностальгия просто изводила папашу. Особенно когда он смотрел на разъезжающие по бразильским улицам «фольксвагены» и «опели», когда встречал людей, разговаривающих по мобильным телефонам «сименс», видел на прилавках технику фирмы «Бош» и слышал, как гудят в небе лайнеры люфтвафзы. Германия незаметно и не спеша оккупировала Латинскую Америку, а он, вместо того чтобы идти в первых рядах оккупантов, даже не смел никому признаться, что немец.

Это Герхард вытащил отца из петли, вернул к жизни и дал возможность применить его прокисавшие в глуши таланты. Герхард создал в Рио серьезную фирму, Герхард посадил в кресло директора никому до того не известного Рауля Риверо. Теперь Vater разъезжал по всей Бразилии, и не только Бразилии, а по всей Южной Америке, отбирал во всяких заштатных клубах, да просто собирал гроздьями на пляжах, молодых перспективных игроков и пачками отправлял их в Германию. Это как бы связало его с VaterLand. Труд на благо родины придал смысл существованию. А заодно Vater обязан Герхарду своим сегодняшним благосостоянием – награбленное-то во время войны давно кончилось. И где благодарность?! Где?! Вместо благодарности...

Да бог с ней, с благодарностью! Вместо того чтобы сидеть тише воды ниже травы, делать свое дело и не создавать никому проблем, папаша лезет на рожон. На подвиги потянуло.

Футболистов, отобранных Раулем, «Олимпия» покупала и практически сразу выставляла на трансферный рынок. Естественно, после того как игроки побывали в «Олимпии», цена их на рынке увеличивалась во много раз. Доверяя немецким селекционерам, таких футболистов с удовольствием покупали в Восточной Европе, Штатах, Японии. Брюкнер имел с этого солидные барыши. И партнеры Брюкнера по бизнесу не жаловались. Например, тот же Кин, который практически монополизировал ввоз в США футболистов из Европы.

Разумеется, если этот бизнес загнется, Брюкнеру по миру пойти не грозило. Есть и другие источники доходов. Та же прогонка титана с Украины в Италию Кандолини. Но глупо как-то все получается!..

Кто сегодня богатейшие люди Германии? Конечно, председатель правления концерна «Даймлер-крайслер» Юрген Шремп, супермодель Клаудиа Шиффер, гонщик «Формулы-1» Михаэль Шумахер, бывший канцлер ФРГ Гельмут Коль. И на вершине списка – владельцы сети

дешевых продуктовых магазинов «Алди» братья Тео и Карл Альбрехт. Их состояние двадцать миллиардов долларов. А Герхард Брюкнер не приблизился даже к первой десятке. Временами он подумывал, а правильно ли выбрал бизнес? Может быть, стоило, как братья Альбрехт, торговать крупой и консервами для бедных? Тоже сейчас владел бы крупнейшей торговой сетью Европы с общим оборотом пятьдесят миллиардов марок. Имел бы три тысячи филиалов в Германии и еще столько же по всему миру.

То есть продуктами Брюкнер тоже в данный момент занимался – скупил по бросовой цене несколько заводов в новых федеральных землях, наладил производство пищевых добавок для атлетов, худеющих... Но дело развивалось черепашими темпами. И еще эти восточные немцы!.. Работать не хотят и не умеют. У них, видите ли, ностальгия по ГДР! По каким-то там ситцевым халатикам в цветочек, вагончикам детской железной дороги, каким-то люстрам с висюльками, стаканам с тюльпанами и черт еще знает какому бараклу. Они, видите ли, насытились заморскими, вернее, «застенными» диковинками и затосковали по прежней жизни. Проводят выставки достижений народного хозяйства бывшей ГДР. Безусловно, выгодно было скупать там земли и производственные площади. Тысячи тамошних предприятий обанкротились, прекратили свое существование или в лучшем случае значительно снизили производство. Оно и понятно, на их телевизорах, холодильниках, автомобилях, бытовой электронике или якобы модных тряпках сразу был поставлен крест. Но многие, в том числе и Брюкнер, полагали, что немцы – они и в Африке немцы. А, оказалось, социализм, в смысле как бы вкалывать поменьше, а жить получше, оставил в душах восточных братьев след неистребимый. Так что бизнес вместо больших и скорых прибылей приносил скорее убытки и головную боль. Продажи в Германии были слишком низкими, а на мировом рынке из-за слишком большой конкуренции с теми же американскими продуктами также пока все шло не слишком удачно.

А если и с Кандолини все разрушится? Пока итальянцу с Брюкнером дело иметь выгодно. Кандолини – фигура слишком заметная, его и так постоянно обвиняют то в связях с коммунистами, то в контактах с международной мафией, и ему совершенно ни к чему афишировать деловые контакты с мафией украинской. А титан при этом хитрый итальянец не желает закупать в США – там дорого. Брюкнер же, создав на территории бывшей ГДР совместное немецко-украинское предприятие, особого внимания к себе не привлек и не привлечет. Украинцы, а именно Бондаренко, поставляют титан, из которого должны, по идее, изготавливаться детали всяких там спортивных тренажеров, Брюкнер же этот титан отгружает на «Фиат». Но титан начинают уже активно добывать в России, и если Кандолини удастся подписать выгодный контракт там, а с русскими он повязан еще с коммунистических времен, то и на этом фронте Брюкнер останется не у дел.

Чертов Vater! Так не вовремя, так некстати. Нельзя допустить, чтобы это стало началом конца. Нельзя.

Брюкнер позвонил Бондаренко:

– Нужна услуга. Твой брат-мафиози в Америке, он может устроить наблюдение за одним человеком?

– Ну?

– Рауль Риверо, гражданин Бразилии, прямо сейчас он плавает на частной яхте где-то около Майами. Мне нужно знать о каждом его шаге в Штатах, каждый контакт. И сведения нужны не в виде недельных отчетов, а каждые три часа.

– И?

– Что – и?

– Когда и как его надо мочить?

– Я... Я подумаю.

13 февраля

(продолжение)

Доктор Лопаткин курил сигару, с удовольствием обкуривая все вокруг. Он делал все по правилам: отрезал кончик чуть наискось, прикуривал щепкой, а не зажигалкой, медленно вращая сигару, и курил, не затягиваясь. Доктор Лопаткин упивался процессом.

Запах, надо сознаться, был малопереносим. Денис мужественно сделал благостное выражение лица, втянул воздух и заметил с непередаваемой грустью:

– Я как раз недавно бросил...

Это было абсолютной ложью: Денис не курил ничего и никогда, но шаг оказался безошибочный, курцы сигар – особая каста, и своих они привечают. Кроме того, Денис обратил внимание среди прочих фотографий на стене кабинета на одну, где был изображен Рябов на тренерской скамейке с сигарой же в зубах.

– Кстати, помнится, Виктор Афанасьевич, царство ему небесное, тоже сигарами баловался.

– Вы были с ним знакомы? – спросил Лопаткин.

– Немного. Мы встречались однажды, и он... мне понравился, хотя мне показалось... он кое-что недоговаривал.

– Рябов вообще был большой хитрец, – грустно сказал Лопаткин. – Его тут всем будет здорово не хватать.

– Даже Овсянникову? – поинтересовался Денис. – Он же перестал его на поле выпускать с появлением Комарова. Мне кажется, молодой футболист должен почувствовать себя теперь свободней.

– Петя сам виноват, – сказал Лопаткин. – Мнительный очень.

– Вы об Овсянникове?

– Да.

– Расскажите, что имеется в виду.

– Видите ли... – Лопаткин глянул на Дениса исподлобья. – Простите, но, если вы не курите, может быть, мне тоже потушить?

– Ну что вы, что вы! Я просто наслаждаюсь запахом, умоляю, не лишайте меня такого удовольствия! – заверил Денис.

– А, ну как хотите! – расцвел доктор. – Так вот об Овсянникове. Однажды он вспомнил, что у него больной голеностоп. Мы все обследовали вдоль и поперек. Парень оказался здоров как лошадь. Но мнительный, как женщина бальзаковского возраста. И хитрец Рябов нашел выход. С овсянниковским голеностопом он поступал так. После очередной жалобы футболиста он его приводил ко мне. Овсянникова укладывали на стол лицом вниз, обматывали «больную» ногу влажным полотенцем. После этого я на глазах у него набирал в шприц обезболивающее, заходил сзади и содержимое шприца вкачивал в полотенце, а ногу колотл припасенной заранее иглой.

– Помогало?

– А то, – похвастался Лопаткин, выдыхая Денису в лицо облачко вонючего дыма. – Вылеченный Петя скакал как кенгуру.

Сейчас меня стошнит, подумал Денис, надо говорить скорее, отвлекаться...

– Вы сказали, что Овсянников сам виноват в том, что, как это говорится... был лишен игровой практики? – Денис даже удивился: откуда-то в голове всплыл этот спортивный штамп.

– Совершенно верно. Они сперва выходили оба в основе, причем именно Овсянников играл нападающего, а Комаров был под ним. Но Овсянников закомплексовал, перестал забивать, а Комаров, напротив, регулярно добивал за него. Так и вышло. Овсянников стал придумывать объективные причины своей неудачной игры... Жаль. Футболист он способный, я ведь тоже кое-что повидал на своем веку, уже почти двадцать лет лечу футболистов. Так вот, играть может, но он психологически нестабилен прежде всего. Особенно в сравнении с Комаром. Рябов ему много шансов давал, но в конце концов посадил на банку.

– На банку? – переспросил Денис.

Лопаткин внимательно посмотрел на Дениса:

– Ну да. Потому что все-таки Рябов ведь отвечал за результат всей команды, а не за то, наберет форму конкретный футболист Овсянников или нет. Ну и к тому же случилась эта глупая история с головой.

– Что за история?

– А Овсянников отказался головой играть.

Денис хотел было сказать: а разве в футболе это разрешается, но сообразил, что совсем уж тогда продемонстрирует свое невежество.

– Умер один английский футболист, – продолжал доктор Лопаткин. – Был такой Джефф Эстл, он играл в футбол лет тридцать назад. И медики официально признали, что смерть произошла от болезни мозга, вызванной постоянными ударами головой по мячу. Причем патологоанатом заявил, что повреждения мозга у Эстла напоминали те, от которых страдают боксеры. А вдова покойного футболиста вспомнила, как муж говорил ей, что бить головой по мячу, особенно намокшему, было все равно что влечься со всего маху в кожаный чемодан, полный кирпичей. В Англии поднялся большой скандал. Профсоюз футболистов заявил, что все игроки должны быть предупреждены о том, что удары головой по мячу могут повредить их здоровью... Ну и так далее... Все как-то забыли, что, когда играл Джефф Эстл, мячи были совсем другие, нежели сейчас. Ну да неважно. У нас это было воспринято как курьез, не более. Но только не Овсянниковым. И вот, представьте, в очередном матче... Слушайте, да у нас же запись этого матча наверняка есть! – обрадовался Лопаткин. – Потерпите немного, я найду, оно того стоит. – И доктор вышел из кабинета.

Денис воспользовался паузой и немедленно позвонил Грязнову-старшему:

– Дядя Слава, что такое банка?

– Чего?! Ты чем занимаешься?

– Дядя Слава, скорее, у меня нет времени! Речь идет о футболе! Что такое банка?!

– А! Скамейка запасных.

Лопаткин вернулся с видеокассетой и воткнул ее в магнитофон. Немного покрутил запись матча взад-вперед и нашел то, что искал.

Десятый номер «Буревестника» привлекал к себе внимание каким-то не совсем мужским изяществом в обращении с мячом, это был еще юноша, гибкий, очень подвижный, но которому только предстояло еще стать мужчиной.

Антон Комаров, отобрав мяч в центре поля, сделал пару обманных движений и сместился на правый край, там он подождал немного, не откроется ли кто из партнеров, и затем вдруг, неожиданно для всех – и своих, и чужих, рванул вперед, обыгрывая на пути последовательно еще троих игроков. Мяч скользил по самой бровке поля, и Денису казалось, что вот-вот он выкатится за боковую черту, но мистическим образом этого не случилось. Комаров еще прибавил в скорости, оторвался от очередного защитника и сделал с фланга великолепную передачу – в штрафную площадку. Там стоял брошенный всеми другой футболист «Буревестника», видимо, это был Овсянников. Даже Денис понял, что это верный гол, только подставь голову – и беги к своим обниматься. Но Овсянников втянул голову в плечи и лишь проводил мячик

грустным взглядом. Вратарь команды противника упал на землю и засмеялся. Тренер Рябов, даже не вставая со скамейки, взялся за сердце.

Лопаткин остановил запись и продолжил историю устно:

– Тут уж терпение Рябова кончилось, и он отправил его в дубль. Там Овсянников и играл до конца чемпионата, там он выделялся, конечно, и исправно забивал. Кажется, даже один раз головой случайно забил. Рикошетом.

...Спустя четверть часа Денис снова позвонил дяде.

– А что такое дубль?

– Второй состав команды, обычно молодежный.

– Среди них тоже чемпионаты проводятся?

– Ну да, параллельно основным составам... Слушай, племянник, я тебе что – ликбез футбольный?! – возмутился начальник МУРа. – С этого момента все справки – платные.

В офисе «Глории» Макс занимался своей обычной компьютерной рутинной (в данном случае Денис попросил собрать для него все, что писали СМИ о «деле Комарова»), Филя Агеев читал «Футбол сегодня». В какой-то момент он приподнял брови и сказал:

– О! Макс, ты знал, что с Дэвида Бекхэма написали икону?

– А кто это такой?

– Ну ты даешь! Неужели не слышал? Футболист английский, суперзвезда. По нему все женщины с ума сходят.

– Так уж и все, – иронически заметил Макс, не отрываясь, впрочем, от своего экрана.

– Честно говоря, в основном девочки-подростки.

– То-то же.

– Но это неважно! Тут другая история совсем. Вот. Академики из Британского университета назвали его «глобальным феноменом, избранным и спортивным мессией».

– Чего?! Каким мессией?!

– Спортивным. Вот послушай. «В своем труде под названием „Единственный Дэвид Бекхэм: Знаменитость, Мужчина и Футболист“, полузащитника „Манчестер юнайтед“ и капитана сборной Англии назвали самым влиятельным человеком Великобритании. Его аудитория „очень широка – это и мужчины, и женщины в возрасте от пяти до шестидесяти лет“, – заявил доктор Эндрю Паркер. Кроме указанных выше определений, он предлагает еще такое описание футболиста: „спокойный, основательный, стройный, но сильный, в меру покрытый татуировками“, короче говоря, „квинтэссенция спортивной иконы“.

– В меру покрытый татуировками! – захохотал Макс, открывая новую бутылку минеральной воды. – Это мне нравится!

– Ты напрасно ржешь, – вполне серьезно заметил Филя. – Это нешуточное дело – спортивная популярность. Это же нас напрямую касается!

– Почему это нас касается? Бекхэма вроде никто не крал пока. А если и украдут, так на то у них Скотленд-Ярд имеется. Или ты думаешь, англичане попросят у Дениса нашей помощи? Было бы неплохо.

– Да ты послушай! – загорячился Филя. – Это же новый социальный феномен, спортсмены реально влияют на жизнь общества, понимаешь?! Ты смотри, что происходит! Когда они уходят с поля, они приходят в нашу жизнь, это я тебе говорю, Филипп Агеев! Наши проблемы только начинаются!

Макс немного пожевал свою бороду, потом сказал:

– Когда я был маленький, у меня с компьютером часто бывали проблемы...

– А ты что, был когда-то маленький? – с сомнением спросил Филя, окидывая взглядом габариты бородатого компьютерщика.

– Не сомневайся, – подтвердил Макс. – Так вот, когда что-то было не так, я говорил: «Ну вот, опять вирус». Это вообще симптоматично, все чайники на вирусы любые проблемы списывают. От беспомощности. У меня это в привычку вошло, и как-то раз внезапно отключили свет, компьютер, само собой, вырубился, я был в другой комнате или в туалете. А в комнате с компьютером была моя бабушка. Так вот она завопила: «Максим, беги живее, микробы компьютер сожрали!»

– И что? – сказал Филя.

Макс уставился на него, махнул безнадежно рукой и повернулся к экрану. Оттуда пробурчал:

– Ту-пи-ца...

– Ну-ка возьми свои слова назад! – возмутился Филя.

– У нас ничего назад не принимается, – хладнокровно сообщил Макс. – Мы можем только обменять товар на равноценный.

Их малопродуктивную дискуссию прервал телефонный звонок. Звонил Денис, он сказал, что возвращается в город и чтобы Филя времени не терял и не просиживал штаны в офисе, а стаптывал подошвы в городе. Агееву предписывалось заняться поисками пропавшего шофера Рябова. Филя сказал шефу, что и так уже кое-что предпринял в этом направлении. «Жучок», который он изъясил-таки из машины Дениса, он переставил на автомобиль... Макса.

– Ты с ума сошел? – поинтересовался Денис. – Ты зачем постороннего человека подставляешь?

– А если «жучок» установлен, чтобы, подслушав нечто важное, тебя после этого грохнуть? – возразил Филя.

– А Макса, значит, можно, да?

– Сложный нравственный выбор, – выдержав мхатовскую паузу, поделился Филя. – Я еще не готов его сделать. Но хочу тебе сказать, что Максова тачка припаркована тут у нас, на Неглинной, уже неделю. Он сам на ней ездит и другим не дает. А ты, когда будешь в офисе, можешь разок-другой в нее сесть и что-нибудь сказать, чтобы враги послушали.

– Ладно, а что там Макс подельывает? Дай ему трубу.

Макс не бездействовал. Его компьютерными молитвами было выяснено, что в Москве и ближнем Подмосковье проживают двадцать два человека с фамилией Деревянко, из них десять мужского пола, из них двое по имени Виктор, из них один – безногий инвалид Великой Отечественной. Оставался Виктор Павлович Деревянко, 1967 года рождения, проживающий почти в центре города – на улице Октябрьской, в двухкомнатной квартире. По возрасту он подходил: Денис сообщил, что, по словам Рыбака, водителю покойного Рябова было лет тридцать пять. Деревянко был женат, кроме него и супруги, в квартире никто прописан не был.

К концу дня из службы безопасности «Буревестника» обещали прислать фото Деревянко. Как уже было известно, на работу его взял непосредственно Рябов, ни в каких документах клуба Деревянко не значился, но он, конечно, не мог избежать попадания в поле зрения нескольких видеокамер, установленных при въезде на базу, а также при входе в офис клуба, расположенного в Вознесенском переулке, и на стоянке для служебного транспорта – там же. Секьюрити сейчас занимались просмотром видеокассет. Не могло же такого быть, в самом деле, чтобы Деревянко ни разу не попал в объектив?!

Из Толстопальцева в город Денис вернулся вечером. Он хотел еще поговорить с Овсянниковым, но футболистов на базе уже не было. Денис позвонил ему на городской телефон и застал дома. Овсянников сказал, что, к сожалению, его настигли в дверях, он не может сейчас разговаривать, и попросил перезвонить через полчаса.

Денис так и сделал, позвонил из машины, по дороге в Москву. Но снова неудачно, ему сообщили, что Овсянников уже вернулся и снова успел уехать, потому что у него образовались

срочные дела. Овсянников жил с родителями, и Денис разговаривал с его матерью, судя по голосу, вполне интеллигентной дамой. Денис назвал себя, оставил свои телефоны и попросил передать Овсянникову, чтобы тот перезвонил в любое удобное для него время...

Итак, гибель тренера «Буревестника» не отменила первоначальной задачи – поисков Антона Комарова. Теперь у Дениса были неограниченные полномочия, разумеется, в рамках законов, регулирующих его деятельность как частного детектива. Финансовую и прочую посильную помощь Рыбак гарантировал, это было уже кое-что.

Возможно, смерть Рябова не имела к делу об исчезновении футболиста отношения, возможно, имела, но Дениса в первую очередь должен был волновать Комаров. До матча Лиги чемпионов оставалось всего семь дней, и за это время Комарова необходимо было найти во что бы то ни стало: с ним и без него «Буревестник» – это две разные команды. Без восемнадцатилетнего форварда у «Буревестника» шансов выступить в евротурнире успешно практически не было.

Но с другой, теоретической стороны, куда делся водитель Рябова – это тоже был вопрос вопросов. Водитель был тезкой покойного тренера – Виктор Деревянко. Удивительно, но откуда он вообще взялся, никто понятия не имел. Рябов ездил на служебной машине, джип «мицубиси» ему выделил клуб, но водителя он себе нашел сам. В «Буревестнике» никто не знал, не только куда исчез этот Деревянко, но и откуда он появился.

Денис решил, что неплохо бы снова навестить Веронику Рябову, тем более пока этого не сделал следователь Нефедов, а он не сделал – Денис это знал точно, потому что Нефедова, вместе с районным прокурором, вызвал к себе зам генерального прокурора по следствию Константин Дмитриевич Меркулов, между прочим, как раз по поводу убийства тренера «Буревестника» Рябова В. А. Но тут самого Константина Дмитриевича вызвал к себе генеральный прокурор и продержал несколько часов. Соответственно эти несколько часов районный прокурор и следователь Нефедов провели в ожидании Меркулова. Это знал Турецкий, это знал начальник МУРа Грязнов-старший, заглянувший по какому-то делу к приятелю на Большую Дмитровку, и об этом довольно оперативно узнал Денис Грязнов. Дело об убийстве Рябова осталось в ведении районной прокуратуры, но старшему следователю Турецкому было поручено курировать ход следствия.

Так что частный сыщик Денис Грязнов провел остаток этого дня максимально плодотворно: съездил еще раз на Кутузовский проспект – к госпоже Рябовой, принес свои соболезнования и провел маленькую дружескую беседу. В ходе которой выяснились некоторые подробности.

Вероника Рябова приняла Дениса радушно. Она сообщила ему, что точно помнит день, когда у покойного супруга появился новый водитель, – 1 декабря. Она запомнила, что в первый день зимы утром за Виктором Афанасьевичем приехал водитель, которого она прежде не видела, – худощавый молодой мужчина среднего роста и ничем не примечательной наружности. Еще в Толстопальцеве Денис столкнулся с тем, что никто не мог вспомнить даже цвет глаз Деревянко. Описания его внешности были весьма расплывчаты. И фамилия-то его выяснилась лишь потому, что однажды он просил администратора клуба Евсеева на предстоящие матчи несколько контрамарок для своих друзей, и дотошный администратор попросил какой-нибудь документ – для отчетности. Деревянко дал права. И это все! Не известен был ни его адрес, ни место предыдущей работы, ни паспортные данные. Одно из двух: либо это была безалаберность работников клуба, либо господин Деревянко намеренно обеспечил свое инкогнито. Либо, третье, что уж совсем странно, это сделал Рябов. Но с другой стороны, рассуждал Денис, человека с улицы он ведь не взял бы. Значит, либо Деревянко был личным знакомым Рябова, либо получил место по чьей-то рекомендации.

Вероника угостила Дениса прекрасным кофе, а еще предлагала не менее замечательный коньяк, от которого он благоразумно отказался – хватит уж на сегодня. Вероника Рябова вполне владела собой, и вообще, каких-то следов бурных переживаний по поводу случившегося Денис не наблюдал. Скажем, утром этого же дня он видел ее гораздо более взволнованной. Впрочем, Денис никого не собирался судить: кто знает, все проявляют свои чувства по-разному.

Итак, что же было известно? Предыдущий водитель Рябова Виталий Сергеевич Куценко вынужден был попрощаться с работой после третьего инфаркта, и произошло это в середине ноября. Еще в Толстопальцеве глава службы безопасности в присутствии Дениса позвонил Куценко, справился о здоровье и поинтересовался личностью Деревянко. Нет, Куценко ничего о новом водителе Рябова не знал и, естественно, его своему бывшему шефу не рекомендовал.

За два с половиной месяца работы Деревянко никогда не поднимался в квартиру Рябовых, всегда оставался в машине. Рябов никогда ничего не говорил о нем, по крайней мере, припомнить подобного Вероника не могла. Вероника знала его имя, потому что, бывало, он звонил Виктору Афанасьевичу, когда приезжал за ним утром. Причем всегда только на мобильный телефон.

– А знакомы ли вы, Вероника, с Антоном Комаровым? – спросил Денис, отказываясь от третьей чашки кофе.

– Да.

– Насколько хорошо?

– Да так, не особенно, болтали пару раз.

– Постарайтесь припомнить точно, сколько раз вы с ним общались?

– Дважды, я же говорю.

– При каких обстоятельствах? Расскажите подробнее, пожалуйста.

– Нечего особенно тут рассказывать. Я была на банкете по поводу окончания чемпионата России, – сообщила Вероника, затягиваясь тоненькой сигаретой «Вог». – Вы же знаете, «Буревестник» второе место занял, радости было полные штаны. Ну и устроили банкет сразу, для команды, внутренний такой, неофициальный.

– Междусобойчик, – подсказал Денис.

– Ну да. Попили шампанского и разошлись. Вот там-то мне Антона и представили. Он же тогда чуть не героем был, но всеобщим любимцем – это точно.

Антон, отметил про себя Денис, не Комарова, а – Антона.

– Вероника, а вы вообще-то любите футбол? – полюбопытствовал Денис.

– Да как вам сказать, – скривилась Рябова. – С футболистами вообще-то скучновато...

Слава богу, подумал Денис, хоть один нормальный человек.

– Вы занимаетесь чем-нибудь?

– Я музыкант по образованию, на виолончели играю.

– Ого!

– Да, представьте. Только на самом деле, конечно, не играю уже давно, – грустно сказала Вероника.

– Простите, – перебил Денис, – вот вы сказали, что с Комаровым общались дважды. А второй раз?

– В конце декабря, когда команде серебряные медали вручали. В каком-то театре это было, не помню. Это уже официальное сборище было. Футболисты с женами, с семьями. Тогда мы уже поздоровались как старые приятели, даже поговорили немножко.

– О чем?

– Вы не поверите.

Денис внутренне собрался, но ответил как можно небрежнее:

– Отчего же?

– Я его подначила тогда, сказала, что теперь самое время переходить в другой клуб.

– Вот это да, – оценил Денис, – как в воду глядели!

– Вот именно. А самое смешное, что рядом был мой муж. То есть я как бы обоих их подначила. Так вот, Виктор Афанасьевич засмеялся, похлопал Антона по плечу и сказал... сейчас вспомню... Он сказал: «Это точно, парень, тебя ждут великие дела».

– Вы ничего не путаете, Вероника? – встревожился Денис. – Я все понимаю, такой день... а тут я со своими дурацкими расспросами. Но все же постарайтесь вспомнить точнее.

– Я ничего не путаю! И хватит выражать мне соболезнования по поводу случившегося, – отрезала Вероника. – Я не любила своего мужа. Это был брак по расчету.

Ого, подумал Денис, не слишком ли откровенно?

– Давайте вернемся к Комарову. Выходит, что Рябов отнесся к идее перехода Комарова в другую команду вполне терпимо?!

– Получается, что так, – равнодушно пожала плечами Вероника.

– Вы не припомните, может, там рядом был еще кто-нибудь, кто слышал этот разговор?

– Никого больше не было. Мы сидели за столиком, и нас было только трое.

– А девушка Комарова?

– Какая еще девушка Комарова?

– Ну... была же у него какая-нибудь девушка? – предположил Денис, подразумевая секретаршу Рыбака. – Он же популярная личность. И потом, вы сами сказали, что футболисты пришли с семьями, с женами.

– Вполне возможно, у Комарова есть девушка, да только мне откуда знать? Я и с ним-то не слишком знакома, как видите. А в тот вечер он был один.

В самом деле, подумал Денис, если он не слишком афишировал свою связь с этой Люсей перед Рыбаком, то вряд ли бы привел ее с собой на столь торжественное мероприятие.

Грязнов поднялся.

– Большое спасибо, Вероника.

Хозяйка проводила его до двери:

– Не за что. Если могу быть вам полезна, звоните в любое время.

В половине девятого вечера на адрес «Глории» пришла электронная почта – фотографии водителя Деревянко, которые службе безопасности «Буревестника» удалось сделать, используя видеосъемку. Снимков было четыре, каждый сам по себе не очень, но в целом они давали представление о внешности человека. У него был нос с небольшой горбинкой, бесцветные брови, водянистые глаза. Кроме того, со слов охранников футбольной базы в Толстопальцеве следовало, что рост Деревянко составлял 175–178 сантиметров.

Филя отзвонил Денису, и тот распорядился продолжить поиски водителя. Это было разумно. Не исключено, что гибель тренера Рябова не имела отношения к исчезновению футболиста. Не исключено, но маловероятно. Скорее всего, это все один туго сплетенный клубок.

И Агеев на Денисовом «форде» поехал на Октябрьскую улицу, где был прописан Виктор Павлович Деревянко, 1967 года рождения. Слава богу, к этому времени пробки уже рассосались, и около десяти часов Филя благополучно добрался до места. Двор был большой, и жизнь в нем еще не совсем замерла, благо погода стояла не слишком холодная. Дом оказался сталинской постройки. Квартира Деревянко была во втором подъезде на пятом этаже. Окна там светились.

Филя осмотрелся на местности. Что бы такое предпринять? Перед подъездом были припаркованы пять машин. «Вольво», две «восьмерки», «тойота» и «школа-фелиция».

Филя поступил просто: он, живо пробежавшись перед ними, подергал каждую машину за дверцу. На удачу. А вдруг? Автомобили взревели сигнализацией на все возможные лады. Филя живо забрался в «форд» и пригнулся, продолжая наблюдать за домом. Из нескольких

окон высунулись встревоженные автовладельцы, из окна квартиры, которая интересовала Агеева, тоже. Тогда Филя открыл дверь подъезда магнитной отмычкой и взлетел на лестничную клетку между пятым и шестым этажом. Лифт ожил, и спустя несколько минут из подъезда с проклятиями выбрались четверо мужчин и одна женщина. Они отключали сигнализации и выражали солидарность друг другу. Трое вернулись в дом сразу, двое – мужчина и женщина – остались перекурить. Филя ждал, когда лифт остановится на пятом этаже, и это случилось спустя пару минут. К некоторому изумлению Агеева, человек, вышедший из него и вернувшийся в квартиру Деревянко, был лысый и маленького роста, никак не больше метра шестидесяти. У него была широкая гладкая физиономия и рыжие бакенбарды. Словом, более разительный контраст с фотографией водителя Рябова был бы, если б только коротышка оказался негром или индейцем. Впрочем, ситуация была вполне объяснимой: коротышка мог снимать у Деревянко квартиру. Как проверить? Через паспортный стол? Через ЖЭК? Да ведь один черт следок Нефедов будет тем же самым заниматься – Деревянко искать.

Филя спустился к подъезду, позвонил из машины Денису, изложил свои соображения и поехал домой – отсыпаться.

Денис, как уже известно, в этот день был без машины. Выйдя на улицу, он сделал несколько звонков. Один – Петру Овсянникову, которого снова не застал. Потом – Максиму в офис и, наконец, Демидычу – на мобильный. Пока Филя Агеев занимался исчезнувшим водителем Деревянко, Демидычу поручались не менее ответственные задания: нужно было проверить жилье Комарова и его брата, а также секретарши Рыбака, Люси, точнее, Людмилы Борисовой, и подготовить оперативные соображения по этому поводу. Макса, однако, в офисе не было, и вообще, там никто не отзывался. Денис развернул таксиста и заставил его ехать на Неглинную, в «Глорию».

На входе в офис Денис столкнулся с Максом. В руках у компьютерщика было два огромных пакета, надо полагать, со снедью. Вид у Макса был смущенный.

- По какой причине покидаем боевой пост? – поинтересовался Денис.
- Кушать очень хочется, – сознался Макс.
- Минералка осталась?
- Да навалом.

Денис заглянул в свой кабинет: все было как обычно, только вот на столе заботливой рукой Фили Агеева были выложены несколько фотографий неизвестного Денису человека. Рядом была пришпилена записка, из которой следовало, что на снимках водитель Деревянко.

- Макс, – крикнул Денис в приоткрытую дверь, – отсканируй снимки...
- Уже, – сказал Макс, не отрываясь от компьютера.
- Тогда отошли в МУР, Вячеславу Ивановичу.
- Уже, – сказал Макс, не отрываясь от компьютера.

Денис махнул на него рукой: счастливый человек, живет в своем виртуальном пространстве, если и есть какие-то заботы, то они решаются опять-таки нажатием клавиши.

Денис тоже присел за компьютер. Попил воды. Поиграл немного в новомодную компьютерную стрелялку, без особого, впрочем, успеха. Вот ведь странное дело: в компьютерных экстремальных ситуациях, в отличие от реальных, ему, как правило, не хватало хладнокровия. В чем тут было дело, объяснить сам себе он затруднялся.

Он посмотрел еще, как Макс изучает международную спортивную информацию, и вышел на улицу. Однако подморозило. Зато небо было почти чистое и непривычно звездное для Москвы.

Денис в очередной раз поймал машину и поехал домой, он надеялся, что к тому моменту, как он примет душ и поужинает, Макс пришлет все, что насобирает в Интернете полезного о Комарове.

Таксист, пузатый дядька, оказался разговорчивым. Болтал он в основном о политике, но Денис все пытался его на спорт вывести. Наконец вроде бы получилось.

– Я в молодости работал водилой на троллейбусе, – поделился таксист. – На работу ездил на городском транспорте, само собой, бесплатно. Раз как-то не завел будильник, или сломался он, в общем, вскочил я, а до начала смены минут двадцать осталось. Я так прикинул: на общественном транспорте не успею. Попросил у соседа мотоцикл, прыгнул на него и полетел в троллейбусный парк. Тогда таких пробок еще не было, так что успел. Хотя и напарник уже ворчит, три минуты всего оставалось. Ну ладно, я ставлю мотоцикл на прикол, прыгаю за руль своего тралика и – вперед. Только странное дело, как подъезжаю к остановке, открываю двери, народ сунется было в троллейбус и сразу же назад выскакивает. И так – до самой конечной. А встречные водилы мне так загадочно улыбаются и подмигивают. Ну, думаю, с траликом моим что-то не так. Короче, вылезая на конечной, хочу вытереть пот со лба и... не получается.

– Как это – не получается? – удивился Денис.

– А так! На голове – каска мотоциклетная!

«Может, у меня тоже вместо головы каска мотоциклетная? – подумал Денис. – Чего-то я в этом деле никак не пойму, должна же быть какая-то зацепка, какая-то изюминка...»

Есть такая загадка: «Что такое – маленькое, коричневое, сморщенное, есть в каждой женщине?» Ответ: «Изюминка».

Однажды Денису в развеселой компании загадали эту загадку. Он был с барышней, с которой познакомился пару дней назад. В общей тишине все ждали, что же скажет гений русского сыска. Ответ знали все, кроме него. Денис изучающе смотрел на свою подругу и наконец убежденно ответил: «Мозги».

Он вымотался за этот день по самое не могу и провалился в сон, едва коснулся дивана.

Его разбудил телефонный звонок. Наверно, Макс, подумал Денис. Хорошо бы, это был Макс, который нашел что-нибудь ценное. Скажем, точные координаты местонахождения Антона Комарова во времени и пространстве. Спросонья он уронил трубку. Спустя минуту звонок повторился.

Звенящий от злости голос произнес:

– С какой стати вы занимаетесь водителем Рябова?!

Голос показался смутно знакомым.

– Это... – сказал Денис, – вообще-то... это...

– Имейте в виду, что я могу классифицировать вашу деятельность как препятствующую работе государственных органов.

– А, это вы, Нефедов! – обрадовался Денис. – Анатолий Анатольевич, я вас не узнал! Знаете что, Анатолий Анатольевич, идите к черту. – И он дал отбой.

Иногда можно позволить себе умеренное хамство, по крайней мере по отношению к тем, кто назойливо портит настроение. Что касается Деревянко, то Денис мог, например, заявить, что считает его причастным к исчезновению Антона Комарова! А почему нет?! Ну а то, что Нефедов не знает, что Денис занимается поисками Комарова, – это уж его личная, ну еще, может, районной прокуратуры проблема. Иногда можно позволить себе умеренное хамство, хотя бы потому, что очень хочется спать.

Глава вторая

14 февраля

Денис решил съездить в одно местечко на Zubовском бульваре, которое рекомендовал ему Турецкий, – проникнуться футбольным духом зимой в Москве можно было только там. Местечко это было злачным заведением, баром, попросту говоря, а вот название имело самое нетривиальное – «Лига чемпионов». Там собирались болельщики, чтобы подрать глотки перед большим экраном под хорошее пиво и в теплой компании.

Денис приехал туда днем, свободных мест было предостаточно; как объяснил гардеробщик: хотя футбольный сезон в России еще не начался, каждый вечер к определенному моменту «Лига чемпионов» была забита под завязку. По спутниковым каналам демонстрировались матчи европейских чемпионатов, а, как известно, для Италии или Испании февраль – самая футбольная пора.

Интерьер соответствующий – футбольные аксессуары (медали, кубки, гетры, футболки, шиповки и пр.), ну и, конечно, телевизоры с экранами самых разнообразных площадей. Публика – зажиточный московский средний класс от 25 до 40. В сущности, подумал Денис, это же мой статус, я сюда вписываюсь, за одним-единственным исключением: терпеть не могу футбол и не понимаю, почему это все так от него прутся. Кошмар какой-то, ну за что это мне?!

Прямо над Денисом нависал здоровенный экран, на котором показывали, как предсезонную подготовку в Турции проводит московский «Спартак». Это сопровождалось комментарием спортивного журналиста:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.